

Павел Патлусов

Исход

Павел Патлусов

Исход

«Издательские решения»

Патлусов П.

Исход / П. Патлусов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858173-1

Книга несёт явный краеведческий мотив. В ней отражается жизнь населения Шалинского района. Временные рамки охватывают четыре столетия: пятнадцатый век — повесть «Исход», повесть «Булат» — начало 21-го века, сказы — 2-я половина двадцатого века.

ISBN 978-5-44-858173-1

© Патлусов П.
© Издательские решения

Содержание

Исход	6
Асык	6
Вортолнут7	9
Медвежий праздник	13
Посвящение	17
Кунгур	21
Беда	25
Дорога	28
Изгнание	32
Заговор	35
Большая потеря	37
Онуфрий	42
Пожар	44
Священное дерево	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Исход

Павел Патлусов

© Павел Патлусов, 2017

ISBN 978-5-4485-8173-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Исход Повесть – быль

Асык

Легкий теплый ветерок слегка рябил жёлто-коричневую поверхность реки Сылвы. Лучи заходящего солнца ослепительно блистали в мутных барашках» воды. Уровень воды в реке уже начал спадать, но весеннее половодье ещё не закончилось: в глубоких оврагах и тёмных логах было много снега. На глинистом, отвесном берегу, под раскидистой пихтой, у костра, свернув ноги «калачом», охотник-манси. Оранжевые языки пламени тихо «лизали» крупные сухие сучья осины. Иногда сучья издавали легкое шипенье: огонь вытеснял остатки влаги из древесины. На двух колышках, перед костром, охотник сушил меховую обувь. Лук и стрелы в длинном кожаном чехле он прислонил к стволу пихты с противоположной стороны, дабы искры случайно не повредили оружие. Охотник сидел на еловых, пихтовых ветвях – так значительно теплее: холод, от ещё не прогретой солнцем земли, не проникнет к телу. Изредка охотник поворачивал обувь на колышках, как только заметил, что мех начинает испускать легкий парок.

– Ёрн вай¹ совсем худой, – забормотал вслух охотник. – Надо было больше жиром мазать... Ёх... ёх... Охота неудачная. Чем кормить детей? Ёх! Лучше бы рыбу в заводях ловить: вся щука там должна быть... Ёх... ёх...

Охотник-манси, которого звали Асык, уже третий день подряд возвращался в пауль² без добычи. Во время половодья дичь как правило активно перемещалась, избегая подтопления гнезд и нор паводковыми водами. Скудность растительности в этот период времени обуславливает миграцию животных на большие расстояния.

– Сына надо быстрее в охотники посвятить: вдвоём легче будет семью прокормить... – Начал вновь вслух рассуждать Асык, – Татьяну-дочь пора отправлять в жены, – с Юмманом – охотником из соседнего пауля, расположенного на реке Чус-ве, ещё осенью был обстоятельный разговор.

– Как только вода на реках спадет: Юмман с сыном обещал приехать за невестой... Ёх... А пока и её кормить надо.

Здесь он обратил внимание на трясогузку, которая грациозно покачивая хвостом выискивала пищу среди камешков на тропинке вдоль берега реки.

– Мала птичка, а красота движений какая! – вот по-молодости, когда Майту – жену привезли с Чус-вы, у неё были в точь такие же ловкие и изящные движения возле очага, как у трясогузки... Когда это было? – Он бросил взгляд на мутный поток реки и невольно подумал, – скоро Душа-тень пойдет вниз по реке... Ёх.

Здесь он заметил, что обувь начала вновь испускать пар, повернул её другим боком. Здесь Асык слегка задремал, и проснулся когда в костре уже полностью истлели последние угли. Он потрогал руками обувь, убедившись, что она высохла, одел на ноги, бодро встал, схватив лук со стрелами, мягкой пружинистой походкой направился вверх по реке. До пауля нужно было пройти еще два поворота реки. Первые желтые цветы мать-и-мачехи, одуванчика в изобилии покрывшими окрестности реки не радовали Асыка ни каким образом; он постоянно думал лишь о том, как его встретит жена – Майта с детьми. Неудачный старый охотник – люль

---

¹ Ёрн вай – меховая обувь.

² Пауль – поселение или деревня манси.

ворхум³ не вызывал восхищения не только у членов семьи но и у всех жителей пауля, даже детские насмешки могли «прилипнуть» к такому человеку.

Пауль – поселение манси представлял собою довольно странную картину. Около полутора десятка изб и юрт были разбросаны в месте впадения Ивовой воды в реку Сылва. Избы были рублены из хвойных пород деревьев в пять или шесть рядов, остальная часть жилого помещения заглублена в землю в половину человеческого роста, то есть изба у манси была одновременно и землянкой. Крыша таких изб выкладывалась толстым слоем дерновины. В центре избы находился круглый очаг, выложенный из плитняка. Поддув для очага очага делался снаружи избы в виде глубокой канавы.

Дым от очага не расползлся по избе, а шёл прямо в отверстие крыши. После того как очаг затухал, отверстие в крыше закрывали. Юрты были устроены по такому же принципу, только материалом для юрты служили шкуры зверей. По периметру избы нары из жердей, где обычно спали под меховой одеждой или шкурами животных все члены мансийской семьи.

На восточной стороне избы или юрты размещались орудья охоты. В западной или северной части жилья располагался женский уголок, в котором находились кухонные и швейные принадлежности. В самом центре пауля, под большой елью размещался священный амбар, в нём размещались святые для манси скульптуры Богов. Среди этих деревянных фигур нашлось место небольшой иконе Николая Чудотворца. При обмене мехов в Кунгуре Сямын – отец Асыка за две шкурки куницы купил Бога яныг махум⁴. Ранним утром, перед началом охоты, Асык долго мазал губы чужеродного бога барсучьим жиром, которым также смазывал свою обувь, но милости, удачи в охоте, этот священный ритуал не принес.

Перед входом в пауль Асык немного задержался; он не торопился показать свою неудачу, но собаки его уже почувствовали и залились дружным лаем. Вся свора встречала его на изгибе реки Сылвы, примерно за полверсты до поселения. Но собаки враз поняли: охотник без добычи, и утратив к нему интерес, побежали обратно в пауль без радостного лая и визга.

Только преданная ему лайка Сойта, вежливо махая хвостом сопровождала хозяина до избы. Майта, Пахын, Татъя без слов всё поняли, и только двое младших сыновей почти одновременно спросили,

– Принёс!?

– Нет.

– А Пыткей вит-уй⁵ хороший, жирный опять принес, – то ли порадовалась за удачливого охотника, то ли укорила мужа Майта.

– Ёх, – воскликнул Асык, установив охотничье снаряжение на положенном месте, и сразу покинул избу; он отправился в священный амбар. Там не раздумывая, в знак нерасположения за неудачную охоту, а может быть и наказания, повернул икону Николая Чудотворца вниз головой.

В этот день удача в охоте сопутствовала только Пыткею. Собаки в пауле чувствовали это и принялись глотать старые кости, которые они зарывали в землю на всей территории пауля. На большом костре в непосредственной близости от священного амбара, жена Пыткея Утуца опустила в большой медный котел разрубленные куски мяса бобра. Количество разрубленных кусков соответствовало числу семейств в пауле. Через некоторое время Утуца громко крикнула: «Урюй-ту!!!».

Женщины с семейными котлами начали подходить к костру. Утуца в каждый котел бросала кусок мяса и отливала определенную меру бульона. Все эти действия проходили молча без единого восклицания или знака благодарности семье Пыткея. Когда на дне котла остался

---

³ Люль ворхум – плохой охотник.

⁴ Яныг махум – большой или великий народ, то есть русские.

⁵ Вит-уй – бобр.

последний четырнадцатый кусок с бульоном, Утуча перевалила остаток в свой котел. Так было здесь заведено далёкими предками в случае неудачного промысла охотников пауля или повального голода в зимнее время.

Майта поставила котел на стол, рядом с очагом, то прежде всего от куска мяса отделила добрую половину и положила на бересту перед Асыком.

– Чего ребятишкам не дала? – осерчал отец семейства.

– Бессильный охотник – люль ворхум. Завтра Асык вновь принесет дичь, если будет полон сил. Без него мы будем постоянно сидеть голодными. Поняли?!

– Ё-ё-ё, – согласились дети, не выразил более возмущения на этот довод и охотник. После того как с пищей было покончено, Татьяна вынесла котел и деревянные ложки мыть к роднику.

Майта, подбросив в очаг сухих сучьев занялась искать насекомых в волосах у младших детей. При тусклом свете костра подобную чистку практически было невозможно провести, но большинство жителей пауля искали вшей подушечками пальцев, используя тактильную чувствительность.

Асык внимательно проверил охотничье снаряжение, смазал обувь барсучьим жиром, после чего осмотрел рыболовецкие морды и ивовые заградительные стенки.

Осмотром остался недоволен: большинство морд требовало ремонта. Охотник незамедлительно начал ремонт рыболовного инвентаря. И когда на небосклоне показались первые звезды, а вдалеке начал ухать филин, Асык отложил почти завершенное дело.

– Вот и ночь пришла, – спокойно размышлял он. – Светлые духи спят, а тёмные вышли на охоту – у них своя жизнь недоступная нам... А почему нам ночью предки запретили охотиться⁶ – может удача была бы? А? Ёх, однако.

Закрыв двери и дымовое отверстие избы, Асык лег спать на нары под охотничьим снаряжением.

---

⁶ ...запретили охотиться⁶ – у манси принято охотиться только в светлое время суток, ибо ночь принадлежала душам – теням (призракам). Это правило соблюдалось народом манси неукоснительно.

Вортолнуг⁷

Едва забрезжил рассвет, как Асык начал укладывать снаряжение для лова рыбы в лодку. Немудрёные снасти: фашины из ивовых прутьев, морды, колья заполнили всю лодку. Плотным слоем уложенные фашины почти касались воды, – лодку нужно было вести крайне осторожно. По этой причине Асык решил спуститься вниз по течению, примерно за два поворота, где река заливала неширокий ложок. После того, как все было готово к отплытию, охотник вошёл в священный амбар. Зачерпнув пальцем в берестенном туесе немного барсучьего жира, Асык начал усердно мазать губы родных Богов: Нуми-Торыма⁸, Калташ⁹, Мир-Суснэ-хуму¹⁰, а более всего Сямына – отца, который умер более пяти лет назад, но являлся покровителем пауля. На икону Николая Чудотворца Асык не обратил никакого внимания. После завершённого жертвоприношения, охотник пошел к реке. Возле реки потягиваясь, размахивая руками, как птица ходил сын Пахын.

– Оттолкни меня осторожно от берега – лодка перегружена, – садясь на корму, обратился к сыну Асык.

– Ё-ё, – уперся ногами в берег Пахын.

Лодка тихо, плавно начала скользить по водной глади реки, небольшая стайка куликов обратила внимание на странное сооружение, плывущее по реке; они испуганно отлетали от привычных мест кормления, но через некоторое время вновь деловито совали свои длинные носы между камушками на мелководьях.

Балансируя веслом, охотник-рыболов довольно быстро подъехал к знакомой лощине, затопленной паводковыми водами. Он ежегодно ставил здесь ивовый забор с мордами, и удача сопровождала его: без рыбы семья не оставалась. К берегу, в затопленной низинке, Асык подплыл кормою, затем «задвинул» лодку на берег, оттолкнувшись от дна веслом, и только после этого вышел на берег. Разгрузив большую часть фашин на берег лощины, охотник, с оставшейся частью груза, поплыл к противоположному берегу лога. В начале топором он вбил кол у самого уреза воды, затем к нему привязал фашину с помощью обычного мочала¹¹, иногда пользовался и гибкими молодыми побегами ивы. Когда закончились фашины, охотник поехал за очередной партией, разгруженной на берегу. Таким образом, к середине дня вся лощинка была перегорожена ивовым забором, в котором стояло пять ловушек – морд. Удовлетворённый работой, Асык прилег под небольшим вязом отдохнуть, предварительно набросав на землю еловые и пихтовые ветки. Теперь нужно было только ждать, когда рыба отнерестившись начнет скатываться обратно в реку. Костра охотник-рыболов не разводил: солнце припекало довольно сильно. Воздух начал наполняться пронзительным гудением насекомых: шмелей, комаров, мух. Возвращаться в пауль мужчина ещё не думал; он намеревался присмотреть подходящий липняк для получения мочала. Невдалеке находилась бобровая плотина на маленькой речушке; там жила только одна бобровая семья. Жители пауля относились к этой немногочисленной бобровой семье с большим почтением, но водоем оборудованный животными использовали для получения мочала. Полюбовавшись ясным безоблачным небом, почесав заросшую грубыми черными волосами голову, Асык, взяв топор, направился вверх по берегу лощины, дабы чуть выше обогнув лог выйти к ручью, на котором была бобровая плотина. По пути охотник-манси срывал первые молодые побеги щавеля, и «заячьей капусты», которая ещё не набрала цвет,

⁷ Вортолнуг – медведь.

⁸ Нуми-Торым – Верховный Бог народа манси.

⁹ Калташ – Жена Нуми-Торыма, или Богородица, родившая Мир-Суснэ-хума.

¹⁰ Мир-Суснэ-хум⁴ – Бог, который подобно Христу, мог появляться среди людей и делать добрые дела.

¹¹ Мочало – волокнистый материал, получаемый из коры липы.

другой пищи в лесу в это время не было. На небольшом взгорке, возле ручья была небольшая липовая рощица. Внимательно осмотрев более трех десятков деревьев, Асык определил: пять больных, поврежденных деревьев, которые можно пустить под топор, на получение мочала. Но и это необходимое решение расстроило его: у манси не принято было пускать «под топор» деревья способные даже к незначительному росту – большой грех. Деревья, как люди считались живыми. Но тут он неожиданно заметил возле плотины, на молодой липке, поврежденную кору. Длинные, глубокие, продольные царапины, на высоте человеческого роста, покрывали всю коричневую поверхность молодого деревца. Подбежав к дереву, охотник разом понял: «хозяин леса». Но что он вблизи пауля делал? – И тут же дал ответ: пытался отловить бобров на берегу, которые покинули затопленные водой норы, но затея ему явно не удалась. На молодых осинках, растущих у речки, виднелись свежие следы пропилов, один из них был характерный, с валиком: у старого бобра – отца семьи был поврежден один передний резец. Вслух охотник подумал: «Придет, однако, ещё сюда „лесной богатырь“, только Сойту – собаку нужно будет взять с собой. Если бы он „достал“ бобров, то сюда бы не пришёл. Ёх! Шкуру надо будет за невесту Пахына отдать. Брать надо „лесного старика“¹², чтобы дать ему возможность уйти в Нижний мир¹³.» Вернувшись на прежнее место отдыха, Асык еще долго размышлял о том, почему «лесной богатырь» вышел так близко от поселения манси? По какой причине «лесной старик» решил уйти в Нижний мир? Для выполнения своего желания, вортолнут просит от охотника-манси помощи. Такое объяснение помыслов «хозяина леса» помогло охотнику-манси принять важное решение на следующий день.

Только солнце прошло половину вечернего пути, как он начал проверять ловушки. Улов был удачным: в каждой морде было по три или четыре увесистых щуки.

– Ёх! – обрадовался Асык, – надо хорошо кушать перед тем как выйти на «лесного богатыря». В этот день удача сопутствовала всем охотникам пауля, только шаман Ярык не знал чем накормить своё семейство; ввиду своих тяжелых обязанностей он намного реже других выходил на охоту. Асык поделился с ним своим уловом.

– Будет тебе удача в лесу, – поблагодарил соседа шаман.

– Ярык, мне нужно сына Пахына в охотники посвятить. Пора!

– Однако, думать надо. Если через четверть луны не будет препятствий и плохих знаков – посвятим...

– Хорошо, Ярык.

В этот день все семейство Асыка наелось рыбы до отрыжки, и уснуло безмятежным сном. Только хозяин семейства неожиданно со своего места перебрался под меховые одежды Майты. Долго меховые шкуры «ходили волнами» на нарах супруги. Месяц, показываясь между тонких облачков, кажется загадочно чему-то улыбался.

На следующее утро, чуть только солнце выглянуло из-за горизонта, и только начали блистать капельки росы на верхушках деревьев, Асык с куском варёной рыбы отправился в священный амбар с луком, стрелами и длинным копьем. Нашептывая какие-то странные просьбы Богам, он тщательно натирал губы у деревянных фигурок куском варёной щуки, более всего он «кормил» покровителя своего пауля Сямына. Охотничье оружие: копье, лук и стрелы усердный манси так же протёр варёной рыбой. После завершения священного ритуала охотник отправился к реке, но прежде позвал с собою лайку Сойту. Собака на крик хозяина прибежала быстро, и разом, не раздумывая села в лодку.

– Ёх, – воскликнул Асык, отталкивая лодку от берега.

¹² «Лесной старик» – манси из уважения не называли медведя собственным именем, используя такие названия, как «Лесной богатырь», «Князь», «Священный зверь», «Урманый старик» и др.

¹³ Нижний мир – манси делили все мироздание на три части: Верхний мир, Средний мир и Нижний мир. В Нижний мир после смерти уходили Души – тени. Все три части мироздания находились в определенном «узаконенном» взаимоотношении.

– Если «хозяин леса» не объявится, то на обратном пути в лодке привезу рыбу, попавшую за ночь в морды, – размышлял охотник. – Вот только бы Сямын «не подвёл». В знакомой лощине, куда привел лодку Асык, изменений, практически не произошло, только уровень воды понизился. – Три дня ещё, и ловить здесь будет нечего, – горестно подумал охотник, но размышлять на эту тему охотник себе не позволил. Он готовил себя к серьёзному испытанию: надеялся на встречу с «лесным стариком». У знакомой бобровой плотины он мигом понял: хозяин был здесь совершенно недавно: крупные следы оставил на глинистом берегу запруды, свежие царапины от когтей появились на молодой липке. Сойта зарычала, оскалив зубы – верный признак того, что могучий зверь рядом. – Надо перевалить через взгорок, – быстро принял решение охотник. Лайка рванулась бежать туда, куда уходил медвежий след.

– Стой, – крикнул охотник. Он точно знал: с одной собакой медведь быстро расправится, а тогда и охотнику нужно будет повернуть назад. Асык побежал в гору, крепко сжимая в руках копьё и лук со стрелами.

Взбежав на холм, он увидел как «лесной старик» готов был скрыться в густых еловых зарослях, в ближайшем болоте.

– Уйдёт, – подумал охотник. – Собаку отпускать нельзя, – задерёт в момент. Он не раздумывая натянул тетиву лука и пустил стрелу в толстый медвежий зад. Конечно, выпущенная охотником стрела, не причинила большого вреда «хозяину леса», но сильно его обозлила. Медведь развернулся и быстро двинулся в направлении охотника.

– Ёх, – осмотрел площадку для встречи с гигантом Асык, и встал с копьём за ствол липы. Собака неистово лаяла и уже не проявляла должной храбрости, а плотно прижималась к ногам охотника. В один миг зверь оказался рядом, серо-коричневая масса «обдала» его неприятным запахом исходящим из пасти.

– Ёх, – вскрикнул Асык, ткнув копьём в нос разъярённого зверя. Медведь от неожиданности замедлил движение, и встал на задние лапы, чтобы лучше разглядеть противника.

– А-асс!!! – крикнул громко собаке охотник. Преодолевая страх собака вцепилась медвежий зад. И только зверь слегка повернул голову в направлении собаки, как Асык с силой, налегая всем телом, воткнул копьё в шею медведя. Зарычал лесной гигант, направляясь прямо на охотника. Удержать напор зверя охотник не мог, а потому отступал, и неожиданно запнувшись за валежину, упал. Медведь навалился на охотника, копьё уперлось в землю и сломалось. Асык прямо перед глазами увидел зубастую пасть зверя, полную слюны, и кровавой пены. Челюсти зверя двигались быстро, захватывая воздух. Охотник сделал попытку вытащить нож, но оказался зажат тяжелой тушой зверя.

– Смерть пришла, – подумал охотник. – И собака не поможет. В это время Сойта яростно терзала медведя за ухо. Неожиданно медведь опустил тяжелую морду на лицо охотника. Асык почувствовал, как липкая теплая жидкость потекла по лицу, залепляя глаза. Он сделал безуспешную попытку вытереть лицо. Медвежья слюна, смешанная с кровью продолжала пропитывать бороду охотника. – Достало копьё его, – обрадовался охотник, но пошевелиться под медведем не мог, так как зверь всем своим телом зажал ноги охотника на валежине.

– Сойта, – крикнул охотник, – ко мне!!!.

Собака выполнила приказание хозяина не сразу: ещё некоторое время продолжала трепать тело уже неподвижного зверя, но устав подбежала к Асыку, прежде облизав его волосы на голове охотника от медвежьей слюны и крови. – Беги в пауль, – потрепал ласково руками собачью морду охотник, – веди сюда людей...

Очнулся охотник, когда над ним раздались громкие и сочувствующие голоса жителей пауля. Асык открыл глаза. Из взрослых мужчин – охотников поселка был только шаман Ярык; он руководил всеми действиями сборной ватаги. После того как женщины с подростками свернули медведя с охотника, начался осмотр тела смелого медвежатника. Определённых повреждений не было обнаружено, но самостоятельно стоять охотник не мог: ноги затекли от дли-

тельного давления их тушей медведя. Добычу привязали к длинной жерди, которую положили на плечи около десятка женщин и подростков. Следом на такой же жерди, в таком же положении несли удачливого охотника шаман Ярык и сын Пахын.

Медвежий праздник

В пауле Асыка занесли в избу, где добродетельная Майта намеревалась растереть онемевшие ноги мужа барсучьим жиром.

– Потуши огонь в очаге¹⁴, – распорядился мужчина, – прежде чем начнешь меня, как Сямына мазать жиром.

Охотник улыбнулся своей незатейливой шутке и кажется даже легонько засмеялся. В этот миг он чувствовал себя не только чрезмерно счастливым, но равным по духу могучему покровителю пауля. Пока Майта растирала ноги мужа, население пауля пришло в движение: Ярык с подростками снимал шкуру медведя, женщины готовили большой общий котел, дети носили дрова для костра, ведь сегодня начнется знатный праздник: медвежий, которого не было в пауле уже три года.

Когда Ярык, с охотниками, вернувшись с промысла, освежевал¹⁵ медведя, подростки огромную шкуру зверя уже поместили в центре поселения. Перед мордой медведя поставили деревянные фигурки лосей, бобров, волка, различных птиц. На нос медведю одели берестяное кольцо, а шею его украсили шарфом – синего цвета тряпкой. На голову медведя положили меховую шапку Асыка.

– Чем его угощать будем? – крикнул Пахын.

– Сходи-ко к лошине, где я оставил лодку и выбери рыбу из ловушек, – вот и еда для высокого гостя, – сказал вышедший из избы Асык; он немного лишь прихрамывал. Дети пауля крутились вокруг счастливого охотника,

– Асык, расскажи как «лесной старик» тебя обнимал?

– Э-э-э, – громко зарычал мужчина, изображая медведя, пытаюсь схватить разом всех детей. Дети бросились врассыпную, пытаюсь скрыться в юртах и избах.

– «Лесной богатырь» хорош, – отметил, подходя к охотнику, шаман Ярык, – только вот шкура не «нагуляна», не густая, – «не вышел» зверь...

– Ёх, после зимней спячки «добрый старик», – согласился Асык.

– Теперь «царь леса» у нас в гостях.

– А мог бы я ему в гости попасть, если бы копьё чуть – чуть пошло мимо того места, где соединяется голова и шея зверя.

– Ёх, – улыбнулся шаман.

Во второй половине дня, когда уже все охотники вернулись в пауль, а в большом котле варилась медвежатина, начался самый торжественный момент. Жители пауля подходили с достоинством к медвежьей шкуре и кланялись ей, произнося обычно слова: «Добро пожаловать, Царь леса, к нам на праздник!» При этом каждый человек после приветствия умывался, то есть очищался, от греха перед «хозяином леса» водой из большого котла, установленного с правой стороны от шкуры медведя. Женщины во время приветствия «лесного старика» стыдливо прикрывали лицо руками или уголками цветных платков. Когда ритуал приветствия «дорогого гостя» закончили все жители пауля, началась трапеза. Каждой семье в поселении, Майта наливала в котлы бульон, а мясо выкладывала отдельно на заготовленные заранее куски бересты. Все жители пауля семьями, разместившись вокруг большого костра на бревнах, со словами: «Кех, кех! Ворон ест твоё мясо, не я!», начала есть медвежатину, запивая её бульоном. Чувство сытости наступило не быстро, но к вечеру все населения пауля благодушно валялось вокруг костра, и только дети весело резвились, разыгрывая спектакли охоты на медведя, а ещё они крутились вокруг Асыка, надоедая ему, – кланялись медвежьим когти. Охотник был неумолим;

¹⁴ ...огонь в очаге¹ – у манси считалось за большой грех обнажить тело при свете солнца или костра.

¹⁵ Освежевать – снять шкуру с животного, вынуть внутренности.

он большим острым ножом отрезал самые крупные когти с передних лап и отнес их в священный амбар. Наконец – то Майта отошла от костра – она сегодня, на ряду со своим мужем – героиня дня. Именно ей нужно начинать рассказ или песню о жизни своего народа или же героическую сказку о медведе. Все вокруг притихли, даже неугомонные дети присели в круг своих семей.

Плавно и неторопливо началось сказание женщины о «Добром старике».

Теплый ветер начал дуть из-за дальних лесов
Сам Нуми-Торым послал его, чтобы было всем тепло
Распустили ветки ели, набухают почки у березки
Травка выбросилась в небо, простирая руки к солнцу
Бурундук закрыл кладовую, мышь помет наверх выносит
Рыжий лис бредёт по лесу, оставляя клочья шерсти
Полетели стаи птиц с мира Верхнего в Нижний – гонит их Мир-
суснэ-хум
Только «Краса лесов таёжных» все дремал в уютном доме.
Вот ему приснился сон, что бредет он вдруг по лесу
А на встречу крот облезлый, весь голодный и несчастный
Нет в моем жилище свету, и тепла совсем не стало
Пожалел его Добрый старик и отдает ему свою шубу для тепла
и свой жир для огня
Пусть в твоей избе всегда будет много света и тепла.
Как ты раздетый «Старичок» будешь ходить, бродить по лесу, –
озаботился вдруг крот
В Нижнем мире шуб не надо, – зима туда не ходит в гости
Там тепло и светло, даже пищу в котлах не варят, – всё на дереве
растет
И малина сочная и смородина кислая, и черемуха терпкая
И мяса сытного и рыбы много...
Проснулся «Добрый старик» и понял: надо искать смелого
охотника.
Долго он ходил по лесу, донимая всех его жителей
Но вот увидел его смелый Асык, посылая стрелу в жирный зад.
Обиделся «Царь леса», бросился на охотника, а крот в глазах стоит
Отдай шубу и сало для тепла и света.
Послушался «Добрый старик» вещего сна и отдал кроту своё
имущество.
Скоро он пойдет в Нижний мир, где у него не будет зимних спячек;
Будет только лето с огромными туесами мёда.
Кех-кех! Добрый к нам пришел старик.

Слушатели выразили одобрительные возгласы рассказу Майты, громкое «Кех-кех» гулким эхом разносилось по долине реки Сылвы. Вслед за Майтой к костру вышли дети. Они устроили спектакль из жизни зверей и птиц, отражая с помощью движений и поз, характерные черты животных. Перед зрителями прошли образы «Царя зверей», Священного лося, бобра, лисицы, глухаря, журавля, дятла. После доброжелательных отзывов в виде «Кех-кех», детей сменил шаман Ярык.

В старые времена, когда земля начала только заселяться людью,

Мудрый Нуми-Торым поселил манси в глухих лесах, где много зверей и птицы разной.

Но скучно стало манси – мало птиц красивых было.

Пожалел мудрый Нуми-Торым и решил отправить на землю Любимого сына Мир-Суснэ-хума, которого родила Пресветлая Калташ

Иди сын и сделай так, чтобы мой народ манси не скучал, а радовался жизни,

– уж очень длинная у них зима в глухих лесах.

Опустился ранней весной на землю Мир-Суснэ-хум, в далекой южной стране

Обратился там огромным орлом и погнал всех больших и малых птиц на север.

То-то удивились манси когда увидели весной много красивых птиц.

Обрадовались они жизни, и стали благодарить каждую весну

Смелого Мир-Суснэ-хума и мудрого Нуми-Торыма

С этих пор каждую весну с прилетом птиц на землю спускается смелый Мир-Суснэ-хум, добрый Бог всех манси.

После шамана свой сказ довела до слушателей Утуча; она рассказала историю как однажды «Добрый старик» увел из пауля женщину и долгие годы жил с ней в лесу. Женщина родила ему несколько медвежат и одного мальчика, который был очень сильным и бесстрашным. Именно этот мальчик сражался со злым болотным духом Комполэном, и победил его. Рассказы, сказы, пляски вокруг костра продолжались в течении трех дней. На четвертый день все жители поселения начали ругать бранными словами шкуру медведя¹⁶. На шкуру медведя плевали, пинали её ногами, строили гримасы, рычали как собаки и выли волком. Все выражали явное неудовольствие присутствием «дорогого гостя» в пауле. В течении двух дней продолжались злокозненные действия в адрес «Доброго старика».

Утром, уже на пятый день, с начала медвежьего праздника Асык и шаман Ярык, взяв череп медведя, отправились к Священному дереву. До Священного дерева мужчинам пришлось пробираться по лесным зарослям почти четверть дня. Большая крепкая береза стояла на склоне небольшого лога. Липкие салатного цвета листочки начали пробиваться на многочисленных ветвях дерева. На земле, возле ствола березы лежали разнообразные предметы: золотые и серебряные монеты, посуда из серебра, фарфора, подсвечники, старинный мушкет, сабли. На нижних крепких сучьях березы были укреплены медвежьи, лосиные черепа. На самой верхушке березы развевались цветные лоскутки ткани, поблекшие от ветра и солнца. Эти куски цветной ткани обычно привязывали к ветвям дерева юноши-манси, посвященные в охотники.

Ярык внимательно осмотрел Священное дерево, обошел вокруг и только затем начал тихо бить колотушкой по бубну медленно наращивая темп. Одновременно он убыстрял ходьбу вокруг дерева. Бег шамана вокруг дерева был четко обозначен, вытоптанной его же ногами тропой. И когда ритм ударов слился с ритмом бега вокруг Священного дерева, когда шаман уже изнемогал от бешеной нагрузки, когда казалось: его сердце, бьющееся в ритме ударов о бубен готово вырваться из грудной клетки, он вдруг упал лицом вниз в направлении солнца.

---

¹⁶ ...ругать бранными словами шкуру медведя – у манси считалось, что в Нижнем мире всё бывает наоборот. Если в Среднем мире, где живут люди, хвалят, то в Нижнем мире – ругают. И если в Среднем мире – ругают, то в Нижнем мире – хвалят. Когда душа медведя через три дня ушла в Нижний мир, то манси начинают медведя ругать, то есть продолжают оказывать ему честь.

Стало тихо, только писк комаров и мошек прорывался сквозь слабый шелест листьев. Ярык долго лежал неподвижным; Асык его не тревожил: душа шамана в этот момент путешествовала по Верхнему и Нижнему мирам¹⁷. Во второй половине дня шаман очнулся, вздрогнул.

– Душа пришла, – подумал Асык.

И действительно Ярык встал, пошатываясь, взял бубен и колотушку.

– Укрепи череп медведя на дереве, – произнёс он первую, после камлания, фразу.

– Ёх, – ответил Асык, надрубив одну из ветвей берёзы. На оставшийся «штык» ветви, через глазницы вдел медвежий череп.

– Ёх! Хорошо, – похвалил свои действия охотник.

– Ёх, ёх, – раздраженно съехидничал шаман.

– Ярык, ты увидел там, – охотник показал указательным пальцем вначале на небо, а затем в лог, – что-то плохое... Говори!

– Вода течет-душа идёт¹⁸, – отговорился уже спокойнее шаман. – Много будет здесь людей большого народа...

– Они и сейчас по реке Чус-ве живут¹⁹, – и ничего плохого нам не сделали...

Шаман неодобрительно, как на маленького ребенка, взглянул на Асыка,

– «Большие дымные очаги»²⁰ они сделали в горах, вытаскивают камни из Нижнего мира на поверхность земли, чем сильно беспокоят хозяина... Не нужно злить духов Нижнего мира... Ёх!

Из путаного объяснения шамана, Асык понял: камлание на этот раз было с неудачными предсказаниями, которые Ярык не хотел выкладывать ему.

– Ну, а посвящение моего сына ты думаешь провести, – решил сменить тему разговора охотник – медвежатник.

– Чем быстрее, тем лучше.

Этот ответ очень обрадовал Асыка,

– Через три дня можно?

– Да. Ты знаешь: если «рябуха» не пискнет – рябчик не ответит...

– Ёх, – улыбаясь, согласился охотник.

– Однако, – посмотрев на небосклон, неожиданно заторопился идти в обратный путь Ярык, – будет дождь, – воздух свежий и влажный подходит.

Проливной дождь настиг мужчин уже перед паулем.

---

¹⁷ ...по Верхнему и Нижнему мирам – Душа шамана могла покидать тело и общаться с духами Верхнего и Нижнего миров.

¹⁸ Вода течет – Душа идёт⁵ – поговорка, которая говорит о том, что Душа – тень всегда уходит вниз по течению реки.

¹⁹ ...по реке Чус – ве живут – имеются ввиду первые поселения русских на реке Чусовой.

²⁰ «Большие дымные очаги» – доменные печи.

Посвящение

Через три дня Асык, после рыбной ловли, наведлся в избу шамана. Возле очага крутился сам Ярык, его жена – Смейта качала в берестяном коробе девочку, которой исполнилось на прошлой неделе всего два месяца. Женщина тихо напевала известную всем жителям пауля колыбельную песню:

Май-май, засыпай...
Ветер шепчет: спи дитя
Речка весело бежит
Нашей дочке спать велит

Бодрый дождичек шумит:
Май-май засыпай...
Дружно рябчики свистят
Нашу дочку в сон манят

Май-май, засыпай...
Ворон черный на ели
Кех-кех, – малой детке
Спать грозит

Зелёным листиком блестя
Май-май, засыпай...
Березка юбочку сняла
Нашей дочке отдала²¹

– Ярык, сын Пахын давно ждёт времени охоты, – обращается Асык к шаману.

– Знаки добрые были сегодня: завтра в путь к Священному дереву; не забудь с собою взять туес с водой, охотничье оружие: лук со стрелами и копье... Понял?

– Ёх, – ответил Асык, выходя из избы. У выхода его как всегда ждала собака Сойта, у которой, как ему казалось, даже желтые кружки над глазами улыбались.

Асык дружелюбно потрепал собаку по шее, возле ушей. Сойта от удовольствия взвизгнула и бросилась бежать к избе хозяина. Маленькие ребятишки, среди которых выделялся сын шамана Аност, мастерили из обычного дерева маленьких рыбёшек. Эти деревянные рыбёшки будут использованы мальчуганами в качестве приманки для ловли крупной рыбы. Рыбёшку – приманку привязывают к шесту на верёвочке, а сам рыбак с острогой ждёт когда рыба – хищник бросится на приманку.

Но всё же на живую рыбёшку – приманку охотнее бросались щука, окунь и голавль... Обычно живую приманку-рыбу находили мальчишки пауля под камнями, на дне реки Сылвы, но определенную ценность представляли именно искусно вырезанные рыбешки. Чем ближе деревянная рыбка была к оригиналу, тем значительнее был улов мастера. Конец весны и всё начало летнего сезона население пауля питалось исключительно рыбой; охота в это время была строго запрещена: птица сидела на гнёздах, а животные обучали своих детёнышей лесным навыкам. В этот период манси старались даже не беспокоить почву, так как она давала силы для всей растительности. Взрослые охотники часто наказывали детей-шалунов, которые ударяли

---

²¹ ...нашей дочке отдала – короб, люльку для малышей манси делали из бересты.

палкой о землю, или ещё хуже ковыряли её. Асык подошёл к реке, присел на лодку. У противоположного берега, возле нависшего над рекой ивняка, в лодке сидел Пахын, внимательно вглядываясь в прозрачную воду. Вот он ткнул острогу возле лодки и тут же вытащил её обратно с трепещущей рыбой на заостренных концах остроги. Чуть подольше вверх по течению сидели в лодке Пыткой с сыном Танатом. Рыбалка кончится, когда солнце начнет опускаться за горизонт. В ночное время манси никогда не охотились и не рыбачили – это время для злых духов. В ночное время работают, рыбачат и охотятся души-тени умерших людей. Может из определенного страха или по причине природной деликатности ночное время было отдано в распоряжении духов Нижнего мира. Заслушавшись легким журчанием воды, Асык неожиданно вспомнил Ярыка, который после камлания сказал: вода течет-душа идёт...

– Не договаривает что-то шаман, хитрит, – невольно подумал охотник, и он почувствовал определённую тревогу, страх за будущее своего маленького селения.

– Пахын, – крикнул Асык, – солнце опустилось низко, – пора домой.

– Ёх, – громко ответил юноша, – сниму только наживку.

Через несколько мгновений лодка причалила к берегу, скрипнув днищем о мелкую речную гальку. На дне лодки лежало около десятка небольших щук и очень приличный по размерам голавль. Асык помог сыну вытащить лодку далеко на берег, чтобы духи, обитающие в воде, не смогли её увести на свою рыбалку. – Завтра, Пахын, тебя будем посвящать в охотники, – уведомил сына Асык.

– Ё-ё-ё, – выразил радостное удивление сын.

На следующий день, как только первые лучи солнца осветили водную гладь Сылвы, причудливо играя в «завихрениях» потоков на перекате, мужчины покинули пауль. Впереди с бубном и колотушкой шагал Ярык, за ним, ступая строго по следу, шёл Асык и замыкал шествие с полным промысловым снаряжением Пахын.

Прохладная роса «сыпалась» на меховую обувь и одежду Ярыка, медленно скатываясь на почву, – вся верхняя одежда и обувь были обильно смазаны барсучьим салом. На чистом и свежем утреннем воздухе Пахын чувствовал необычайный восторг жизни, который не могли разрушить нудный, зудящий писк комаров и мошек. Когда роса начала медленно исчезать при подъёме солнца к зениту, в воздухе появились запахи лесного разнотравья: в низинках стоял медовый бодрящий тело и дух запах таволги, на взгорках «царствовал» земляничный, а в березовых перелесках, на опушках небольших полей кружилась голова от умиротворяющего запаха блошницы. Изредка мужчины спугивали выводки глухаря и рябчика.

– Мала птица ещё, – отметил Асык.

– Ёх, – ответил Ярык, – весна с теплом задержалась... Будьте сейчас очень осторожны: подходим к Священному дереву, – ловушки для нечестивых здесь спрятаны.

Шагайте строго за мной... Асык и Пахын внимательно следили за всеми действиями шамана. Вот они оказались на знакомом взгорке, возле большой и раскидистой березы. Пахын с удивлением разглядывал большое дерево, со множеством цветных лоскутков на ветвях.

– Удивительно? – хлопнул по плечу сына Асык.

– Ёх! – Здесь и моё посвящение в охотники прошло, только лоскут уже исчез, – давно это было, когда Сямын был ещё Великим охотником.

– Разводите костёр здесь, – распорядился шаман, указывая пальцем на небольшое черное пятно в обильной растительности вокруг березы. – Дрова берите вокруг дерева, не заходя за кусты, – он обозначил указательным пальцем периметр возможного сбора дров.

Не успела одежда и обувь основательно высохнуть от росы, как слабый огонёк уже начал «лизать» мелкие сухие ветви березы. Когда огонь разгорелся шаман осторожно подставил к пламени бубен и колотушку, тихо стал что – то напевать или наговаривать на внутреннюю сторону бубна. По мере-того как кожа на бубне нагревалась, Ярык руками «разгонял» тепло по всему бубну, продолжая заунывно напевать. Подвески на бубне тихо звенели.

– Для чего это, атя²²? – тихо спросил Пахын.

– Силу в бубен набирает... Охотничье снаряжение положи возле берёзы.

Вот Ярык сделал все приготовления с бубном для проведения Священного для каждого юноши камлания.

– Залезай, – кивнул шаман Пахыну. – только не забудь полоску цветной ткани взять, чтобы надёжно закрепить свое новое состояние.

Юношу не нужно было уговаривать; он как белка, в один миг, оказался на вершине берёзы.

– Ёх, – выразил удивление Асык.

Шаман постукивая колотушкой о бубен начал спокойно ходить вокруг березы, по привычному для него кругу, постепенно наращивая частоту ударов о бубен и увеличивая скорость движения. Пахын внимательно наблюдал за действиями Ярыка. Вот он видит, как шаман на бегу прыгает на бубен и начинает кружиться вокруг дерева на нём, размахивая колотушкой. Бубен с шаманом набрал такую скорость вращения вокруг берёзы, что у Пахына закружилась голова и он инстинктивно прижался к стволу берёзы. В ушах у него стоял невообразимый свист, которого в природе юноша никогда не слышал. Очнулся он неожиданно: вокруг было тихо и спокойно, только овод крутился возле уха. Пахын посмотрел вниз. Возле костра спокойно сидел Асык, а шаман лицом вниз лежал возле березы.

– Пыг²³, спускайся, только ленточку завяжи, – помаячил юноше отец.

– Ёх, – вынул лоскуток красной тряпочки Пахын, туго затягивая его на веточке березы. С дерева он спускался значительно дольше, чем на него залазил: чувствовалась какая-то неведомая слабость, а еще вернее сила, которая пока не могла найти места в его теле. Отец молча, рукой, показал место куда сесть посвященному охотнику возле костра.

– Сиди.

– Долго.

– Пока духи не покинут тело Ярыка.

Прошло не мало времени, прежде чем шаман начал подавать признаки жизни. Он повернулся лицом к охотникам, пробормотав,

– Тяжелое камлание было...

– Сямына видел? Что он сказал?

– Видел. Сказал, что Пахын будет Великим охотником, даже лучше чем он сам.

Асык, не без удовольствия хлопнул сына по плечу, надевая ему на шею большой медвежий коготь, один из тех которые он отрезал во – время праздника от медвежьей лапы.

– Во всех испытаниях и трудностях у тебя будет медвежья сила. Понял?!

– Ёх! Асык подошёл к Священному дереву и воткнул в небольшую щель в бересте золотую монету, которую он хранил с прошлого года от продажи мехов в большом пауле.

После этого жертвоприношения охотники ещё долго ждали когда Ярык полностью придёт в себя. Когда шаман мог самостоятельно идти на ногах, мужчины направились домой, по строго выверенному пути. В начале дороги, возле Священной березы, прокладывал Ярык, а уж дальше впереди шёл Асык, а шаман молча тянулся сзади; он в этот день сильно устал. Причину этого состояния не знал ещё никто.

– Слышь, Ярык, а пора отправлять лодки в большой пауль²⁴ – меха продать, купить муки, сахара, ткани... Как думаешь? – советуется с другом Асык.

– Ёх, – односложно отвечает шаман.

– Пусть и Пахын съездит.

---

²² Атя – папа (очень похоже на русское слово: тятя).

²³ Пыг – сын.

²⁴ Большой пауль – ныне город Кунгур Пермской области.

– Пусть, – отвечает Ярык, – Отчего не съездить... Остаток пути до пауля мужчины проделали молча.

Кунгур

Большое село, по меркам того времени, раскинулось в месте слияния рек Сылвы и Ирени. Многочисленные деревянные домишки «лепились» по берегам рек. Только в центре села, на крутом сылвенском берегу, высилось несколько зданий из красного кирпича. Наряду с большим храмом, под золотыми куполами, здесь был расположен большой магазин, уездное управление, тюрьма, почта и ещё многое другое. Не смотря на ранний час, на площади перед уездным управлением толпилось множество народу. Основную массу составляли мужчины с окладистыми бородами, в суконных полинявших кафтанах, льняных рубахах и штанах, на ногах, у большинства, были лапти, а многие не имели даже и такой обуви – босыми ногами топтали городскую пыль и конский навоз. На окраине уездного села крестьянки хворостинами гнали мычащих коров в поле. За рекой Сылвой, там где было расположено несколько домиков, звонко голосил петух. Когда толпа старушек в тёмных платках потянулась из церкви домой, на крыльцо уездной управы вышел командир местного гарнизона майор Кичигин. Бравый усач, не без удовольствия щеголял, в великолепном суконном зеленого цвета мундире, с красным воротником, алыми лацканами и обшлагами. Штаны красного цвета были заправлены в высокие ботфорты. Вызолоченные выпуклые пуговицы, блестящие в лучах солнца, украшали мундир офицера.. На руках Кичигина были туго натянуты лосиные перчатки с небольшими расрубками. В теплый летний день это было неуместно, но командир гарнизона был педантом во всём. Вместе с ним на крыльцо вышел коллежский асессор Казанцев, одетый хоть не столь блестяще как майор Кичигин, но очень добротнo: длинный синего цвета кафтан был аккуратно сшит под крепкую фигуру уездного главы. В руках он держал шляпу с роскошным плюмажем.

– Ракитин! – громко крикнул майор.

Откуда-то, из-под крыльца выскочил штабс-ротмистр.

– Слушаюсь, Ваше Сиятельство!

– Арестантов отправь на подводах под конвоем на дорогу, копать канавы, – так быстрее дело пойдет, – Василий Никитич²⁵ сильно обеспокоен...

Прижимая палаш рукою к бедру, штабс-ротмистр бросился к небольшому кирпичному зданию с тяжелыми чугунными дверями, возле которых стояли солдаты с ружьями.

В этот момент майор находит взглядом, в толпе, громадного по всем человеческим меркам, мужика с маленькими колючими глазками под густыми бровями и большим «дубоватым» носом.

– Эк, Виктор Анатольевич, – обращается он к Казанцеву. – Каков Голиаф? Только мне кажется, что бандит это первостатейный... Такой на дороге свистнет: не только кошелёк с деньгами отдашь, но и портки сам сбросишь...

Коллежский асессор не выразил большого удивления,

– У каждого Голиафа есть свой Давид.

– Думаешь: кто-то осилить может?

– Конечно. А вот на валке леса такой бы гигант вполне пригодился. Эй, вот ты большой подойди сюда!

Мужчина, в полинявшем суконном, черном кафтане, подошел к крыльцу управы и бухнулся на колени перед чиновниками.

– Встань! – приказал майор.

Мужчина встал, продолжая мять в руках суконный картуз.

– Чей будешь? – интересуется Казанцев.

– Онуфрий, сын Николаев.

²⁵ Василий Никитич – имеется в виду Татищев, основатель города Екатеринбурга.

- Откуда пришел? Лошадный или нет? Беглый?
- Нет. Из Поморских краёв²⁶ пришли, чтобы заработать на тягло.
- Фамилия есть?
- Сундуков.

– Знать: безлошадный. А коли так иди к купцу Косоногову, – скажи: глава послал; он вас определит на работу: подряд на расчистку дороги заключён с ним. Идите вдоль берега реки до двухэтажного дома: первый этаж из плитняка выложен, а второй обычный – деревянный... Поняли? Большая у вас ватажка?

- Семь человек.
- Дельно. Идите!

– Может их задержать? – высказал намерение Кичигин. – Подозрительные очень: говорок-то далеко не поморский...

– Если всех здесь задерживать, то кто работать будет? Кто будет поручение Татищева выполнять? Кому нужна дорога на заводы? Мне? – не согласился Казанцев.

Часть мужиков во главе с Онуфрием Сундуковым отделилась от толпы и двинулась вдоль улицы, пролегающей вдоль берега реки.

– Ну, Сундук, быстро ты на дело вышёл! – восхитился атаманом рыженький мужичёк с жидкой бородкой.

– Большому человеку – больше и доверия, – хлопнул ручищей по спине Сундуков рыжего мужичка, по кличке Огрызок так, что последний чуть не упал.

- Тебе что силу некуда девать? – обиделся мужичок.

Остальная ватажка угодливо загоготала, восторгаясь действиями своего атамана. В это время в горнице купца, на втором этаже шёл торг между Асыком, Пыткеем с одной стороны и купцом Косоноговым с другой.

– Зачем, Косоног, цену даёшь ниже, чем в прошлом году? А? Мы пушнины привезли больше – денег даёшь меньше...

– Мех в цене пал, а все товары становятся дороже: народу на Камень «прёт» много – спрос большой.

- Зачем нам ваш народ – дай цену такую же, как в прошлом году...

– Могу товаром отпустить: сатин, лён, спички, железо, сахар, мука, соль.

– Прошлый год зачем гнилую ткань давал? А? Наши женщины платье шили – мало носили, – плохая ткань.

Сами будем покупать.

– Как знаете, но самые дешевые товары только у меня в этом селе. Да вы чай пейте с булочками, вино потчуйте...³

– Плохо вино пить – голова не думает... Чай хорошо. Твоя жена хороший хлеб печет, – наши жены не умеют такой вкусный хлеб делать из муки. Может плохую муку нам продаёшь? А?

– Ой-ой, – замахал пухлыми ручками купец. – Муку всегда вам лучшую даю, – таланту нет у ваших баб.

– Ёх, – слегка возмутился Пыткой.

– Я наброшу Вам ещё десять рублей за товар, – на этом торг окончим. – Протянул руку Асыку Косоногов.

– Нет мало. Нам много нужно купить. – в пауле нас ругать будут, – не подал руки Асык.

– Если товар будете брать у меня, то ещё добавлю десять рублей серебром.

– Хороший товар.

---

²⁶ Поморские края – поморы были свободными людьми, не находились в крепостной зависимости, и Сундуков это обстоятельство знал хорошо, чтобы не числиться в беглых.

- «Косоног» не обманет.
- Зачем прошлый год нас обманул? – вновь напомнил купцу торг прошлого года Пыткой.
- Меня тоже обманули.
- А нам, там – в глухом лесу, только медведя можно обмануть, – заулыбался Асык.
- Шутишь? – наигранно «серчает» купец.
- Нет.

– Тогда по рукам. Чтобы вам не тащиться целый месяц до ваших мест, грузите товар и лодки на подводы. К реке Сылве, где впадает река Молёбка, вы доберётесь быстро, вам это обойдётся всего в пять рублей. Асык протянул руку. Спустя немного времени манси выносили товар из лавки, расположенной на первом этаже дома и грузили его на подводу, которую «любезно» предоставил покупателям Косоногов. В это время к дому подошла ватажка мужиков во главе с Сундуковым.

– Здесь живёт купец Косоногов, – спросил мужчин-манси Онуфрий.

– Косоног? Здесь! – испуганно ответил Пыткой.

– Где он?

– Товар даёт, – мы деньги платили, – добродушно рассказал историю сделки «медведю-мужику» охотник-манси.

Наклонив голову в створ двери, Сундуков, решил войти в лавку.

– Ай, яй не ходи, человек! – там злая собака, – предупредил мужчину Пыткой.

– Авось не съест, а если попытается, – Сундуков руками «показал» как будет крутить собаке голову.

– Ёх.

С улицы было слышно, как собака злобно рычала, но одновременно в её рычании слышались трусливые поскуливающие звуки, – она явно испугалась громадного посетителя.

– Тесно здесь с тобой, – не слушая Сундукова, сказал купец. – Выйдем на улицу, а то и собаку мою пугаешь...

На улице мужчины продолжили обстоятельный разговор о деле.

– Значит: вас направил сюда сам уездный начальник? – осведомился ещё раз Косоногов.

– Да. Бери нас на подряд: дорогу желаем делать на заводы...

– Много вас?

– Семь человек, да там ещё на площади человек тридцать.

– Много мне уже и не надо, а вот вас ещё возьму. Много народу тоже плохо, – мешают только друг другу. Дорога ушла далеко за Суксун. Дам вам подводу, – полтина за день, на нашем корме, – остальное, сколько заработаете – ваше. Понятно? Пилы, топоры получите на месте у моего приказчика Лизунова. Ни каких контактов с арестантами – кандалниками, которые делают канаву возле дороги; они государственные преступники.

– Поняли. Где подводу взять?

– Возьмёте на конном дворе у конюха Матвея. Лошадь не морить.

– А где эти вогулы живут? – неожиданно интересуется Онуфрий.

– В верховьях реки Сылвы, в самой глуши. Дорога пойдет недалеко от их поселения.

– А-га, – ухмыльнулся Сундуков.

Подвода, нагруженная товаром медленно, пошла вдоль улицы к пристани на берегу реки, где возле лодок дежурил Пахын.

– Сундук, – обратился черноволосый с босоногий мужчина. – А что если мы этих нехристей «тукнем». О них никто не спросит, и даже следствия не будет.

– Дурак. У вогулов есть Священные деревья, которые «усыпаны» золотом; они часть вырученных за меха денег обязательно бросают под дерево, – жертвуют. Вот что нам и нужно будет найти! – это Священное дерево, олухи! Поняли!!!

– Уразумели, – односложно ответили мужики.

– У нас в Муромских краях был один мужик по фамилии Паличев. Однажды он уехал на Камень, нашёл своё Священное дерево и разбогател, – теперь купец. Мы тоже найдем такое дерево и в раз будем богатыми.

– Все мы? – не поверил рыжий маленький мужичок.

– Все, – заверил ватагу Онуфрий.

Беда

Почти две недели, после трех дней на подводах, добирались по воде с товаром охотники – манси до своего пауля. К родной местности приблизились уже в середине летнего сезона, когда вся долина реки Сылвы была наполнена медовым запахом.

– Если дождей обильных не будет, то мёд будет хороший, – замечает Пыткой, толкаясь длинным шестом.

Плывущий впереди Асык, на своей лодке, только кивает головой. Ему отвлекаться от дела нельзя: можно наскочить на мель или хуже того протаранить дерево – топляк. Последним на лодке шёл Пахын; он страшно устал, но показать свою немощность опытным охотникам было откровенно стыдно. Развлекали его на реке голавли, которые в это период были особенно активными и гонялись за каждой стрекозой. Переливы солнечных лучей в крыльях стрекоз делали их обладателей сказочными существами. Голавли – обитатели Нижнего мира выхватывали жителей Верхнего мира, хотя Пахын не раз наблюдал, как филин на мелководья ловил крупных голавлей. Кругом, куда не бросишь взгляд, торжествовала вся полнота земной жизни.

– Запах дыма нашего пауля появился, – радостно извещает путешественников Асык. – Ещё три поворота реки и дома.

Миновав ещё один поворот реки, охотники почти одновременно отметили: подвывание собак в поселении.

– Нехорошо что-то, – замечает Пыткой.

– Я о том же подумал, – отвечает Асык. – Торопиться надо!

Мужчины стали сильнее толкаться шестами о дно реки, лодки быстро заскользили вдоль, заросших ивой берегов, реки. Пауль встретил путешественников безрадостным визгом собак, Сойта не выражала никакой радости по случаю приезда хозяина; она лишь вежливо виляла хвостом, прижимаясь к ноге Асыка.

Прибежали, подняв гомон, вся детвора поселения; они хором стали выпрашивать у путешественников сахар.

Асык, зная обычай своего племени, выложил детворе большой кусок сахара. Дети, схватив сладкое лакомство, устремились к березовой колоде. На этой колоде сахар будет дробиться топором самым старшим мальчиком на доли. Каждый ребёнок племени, который ходит на своих ногах, не лежит в берестяном коробе, получит гостинец из большого пауля. Вслед за детьми на берег потянулись женщины и те мужчины, которые не ушли на рыбалку или сбор мёда. Охотничий сезон в это время ещё не начинался. Майта подошла к мужу и тихо погладила его по руке.

– Что-то случилось, Майта?

– Да.

– Говори.

– Сатэн не вернулся с рыбалки, – у его жены двое маленьких детей.

– Что Ярык?

– Камлал, теперь в коле²⁷ лежит, но пока ничего не сказал.

– Весь товар перенести в мой кол, – делить будем позднее.

Пыткой, Пахын, женщины пауля и молодые юноши начали переносить товар в кол Асыка. Ярык без движений лежал на широком ложе из жердей, прикрытый вытертыми, от длительного пользования, шкурами. Смейта – жена шамана кормила грудью малышку Эйгу и что – то таинственно напевала ей на ухо.

– Давно лежит?

---

²⁷ Кол – дом, изба.

– Лежит. Ослаб видно, – трудно было духов заставить работать.

Асык в знак согласия кивнул головой. Ярык легонько шевельнул правой ногой, затем левой, издав звериный утробный рык как будто выдохнул что-то гадкое, поднялся с ложа.

– А это ты уже здесь!? Я уже знал, что сегодня приплывёте.

– Где Сатэн?

– Найдёте его возле реки Сылвы, там где впадает речка Черёмуховая²⁸, на правой стороне. Там небольшое болотце, но не злой болотный дух Комполен его сгубил, а зажало ноги деревом; его лодку найдёте в устье реки Черёмуховой. Идите! Асык покинул кол шамана и крикнул своего друга по путешествию в Кунгур Пыткея и сына Пахына.

– Плыть надо: Сатэн может быть ещё жив. Мы быстро вернёмся назад. Поплывём в одной лодке, – там стоит ещё его лодка...

Мужчины быстро прыгнули в лодку, оттолкнувшись от берега. Асык, стоя в лодке, умело вывел её на середину реки и уверенно повёл её вниз по течению.

– Мимо плыли, а вот догадки не было, что Сатэн рядом, – посетовал Пыткей.

– Ёх, – почти одновременно ответили ему отец с сыном.

До знакомой речки долетели почти незаметно. Асык завернул лодку в устье речки, и проплыв немного вверх по течению обнаружил лодку Сатэна. Многочисленный овод назойливо льнул к охотникам. Только плотные штаны – кась и шапка – кент спасали от гнуса, которого особенно много в непродуваемых глухих болотцах и речушках.

– Так здесь он вышел из лодки, – начал распутывать ход событий Асык и направился почему-то вверх по течению речушки к болотцу. Может, он там ставил морды или ловушки?

Возле самого болотца они увидели, придавленного сухой елью, Сатэна. Никаких признаков жизни он не подавал.

– Как случилось, что он попал под дерево? – удивился Пахын.

– Сейчас узнаем всё, – ответил Асык, внимательно оглядывая место происшествия. – Вот видно: корни дерева были давно подмыты ручейком, вытекающим из болота. Когда Сатэн шёл, то одной ногой провалился, а вытащить её обратно не мог. Тут это дерево начало проседать всей корневой системой в вымоину, придавив охотнику окончательно ноги. Самостоятельно он выбраться не мог. Попробуем его освободить, приподняв ствол дерева вагой.

Через некоторое время, не без труда, тело Сатэна было извлечено из-под дерева. Обе ноги охотника ниже колен болтались произвольно, – были сломаны.

Пахын был в растерянности и не скрывал слёз, ибо молодой охотник был его другом. Три года назад у Сатэна было посвящение, а затем ему привезли жену из пауля, расположенного на реке, впадающей в Сылву²⁹, значительно ниже того места где они находились: плыть надо было почти целую неделю.

– Ну, что сидим? – несём его в лодку, – заторопился Пыткей. – А то нам до захода солнца не успеть.

– Никуда не понесём, – хоронить будем здесь. Нельзя покойного везти или нести вверх по течению реки³⁰, – грех. Ярык нам этого не простит...

Мужчины вырыли ножами небольшое углубление в мягкой лесной почве, аккуратно устлали углубление желтоватым, длинным мохом и положили на него тело Сатэна. Сверху могилу тщательно закрыли также мохом, листьями, землей, длинными жердями, сучьями.

Когда похоронный ритуал был закончен, Асык предложил проверить ловушки Сатэна, для того чтобы отпустить из них рыбу или же отдать её вдове, – нельзя оставлять пойманную

---

²⁸ Черёмуховая – ныне эта речка называется Манданкой.

²⁹ ...впадающей в Сылву³ – ныне эта река носит название Вогулка.

³⁰ ...вверх по течению реки — у манси считалось за большой грех нести покойника вверх по течению реки, ибо в этом направлении идут только Души – птицы.

рыбу на погибель. Ловушки Сатэна находились в узкой горловине речки, вблизи от места трагедии. В мордах мужчины обнаружили около двух десятков хариусов и одного большого налима.

– Вот для жены и детей последний улов от мужа, – горестно произнес Асык, нанизывая улов на кукан.

Уже в лодке, поднимаясь вверх по течению, – Пыткой вёл лодку Сатэна, – Асык дал понять сыну, что молодой жены ему не будет, так как он обязан будет взять себе жену друга, ибо кормить двух его детей некому.

– Сегодня вечером уйдешь в кол Сатэна, – налегая на шест, завершил своё решение Асык.

– А может кто-то другой её мужем будет, – попробовал возразить Пахын.

– Сегодня только один охотник без жены и семьи в пауле – ты! Так у нас всегда было, и ради тебя обычаев менять не будем. Вот и весь сказ!

Дорога

Мелкий дождь моросил уже на протяжении трех дней. Свинцовые тяжелые тучи, бредущие прямо по вершинам гор казалось, крутились на месте там, где строили первую дорогу на Камень. Наёмные рабочие поругивались матом при валке каждого дерева, ибо «получали» влагу не только сверху, но ещё и ту которая «лежала» на хвое и листьях деревьев. В это время они даже завидовали кандальникам-арестантам, копающим канавы вслед за ними. Приказчик-распорядитель работ на дороге Лизунов не давал никакого «продыху», даже по праздничным и выходным дням выгонял всех на работу. – Лександр Косоногов торопит, а ему сам Татищев – горный начальник спуску не даёт, – пояснял он обычно крутые меры. Наёмные рабочие тихо ворчали, но работу не бросали, так как каждому выдавался перед началом работы аванс, а полный расчет должен быть только после того, как лесовики выйдут на реку Чусовую, где им на встречу со стороны Нижнего Тагила тоже рубили просеку для дороги. Время от времени лесорубы бегали к шалашам, где кашевар постоянно держал огонь в костре. Там подсушивали одежду, грелись и снова шли пилить деревья, выкорчёвывать пни. Онуфрий Сундуков управлял лошадьё на раскорчёвке пней. Если лошадь не могла вырвать уже откопанный пень, то ей оказывал помощь с большой березовой вагой человек – медведь. Мужики весело шутили: если Сундука не остановить, то весь Камень выкорчевать сможет.

В обед все лесорубы собирались ватажками возле шалашей, у костров. Кашу ели из общего большого котла. Обычно в кашу добавлялось сало или подсолнечное масло. Чай заваривался на травах, которые кашевар – рыжий, маленький мужичок в изобилии находил в лесу. Чаще всего для заварки чая использовалась смородина и таволга.

– Онуфрий, – загребая деревянной шербатой ложкой кашу, обратился кашевар к своему атаману. – Мне показалось, а может и нет, что охранник, который арестантов сторожит, – тот, с длинными черными усами, – на тебя как-то странно посматривает: буд-то признал.

– А ты лишку хайло не раскрывай, а вот между делом узнай «откедова» он. Слышал? – рассердился Сундуков.

– Да ты, Николаич, не «серчай»: поспрошаю. Пока кашу вам сварю всё и разузнаю.

Аккуратно вылизав ложку, Онуфрий снял кафтан, лапти, обмотки и развесил подмокшую одежду и обувь возле костра. В след за ним такую же операцию проделали все члены ватаги.

– Следи, Димитрий, за «одежкой», пока мы отдыхаем, – распорядился Сундуков, заполняя в шалаш. Скоро там были уже все ватажники за исключением кашевара.

– А что, Онуфрий, богатеть – то когда будем? – интересуется один из ватажников с бельмом на глазу, с изрытым оспою лицом. – Чай уже Сылву перешли, а Священного дерева всё нет?

– Это ещё не верховья реки Сылвы, вот когда к ней подойдём ещё раз – там эти вогулы и живут, – пояснил ватажнику Сундуков. – Здесь тоже есть где-то вогулы, но они живут от этой дороги слишком далеко. А денег больших мы можем за работу и не получить: лошадь – купеческая, приказчик Лизунов – купеческий, подряд на строительство дороги – купеческий, и даже арестантами купцу помогает командир гарнизона... Думайте?! То-то! Командиру гарнизона за арестантов, работающих бесплатно – дай, начальнику тюрьмы – дай, конвоирам – дай, приказчику, чиновнику – дай, а что нам с вами останется: хрен от кобылы!

– А какой у кобылы хрен? – смеётся один из лесорубов.

– Вот именно, что никакого. Как не крути, а насчёт Священного дерева надо серьёзно «покумекать».

Не успели рабочие благодно вздремнуть, как приказчик подлетел к шалашу и закричал,

– Вставай! На работу пора. Так всё проспять можно!

Мужики начали тихо, с недовольством выползать из нагретого собственными телами шалаша: работать в этой промозглой сырости не было никакого желания.

Молча одели на ноги теплые, не успевшие просохнуть лапти, взяв топоры и пилы, направились к ближайшему взгорку, где шла валка леса. Сундуков отвязал лошадь, взял топор и вагу. У кандалников тоже наступило оживление: зазвенели цепи. Мелкий дождь моросил вплоть до позднего вечера.

Костёр, у шалашей в сумерках горел значительно ярче чем днём: все хотели не только просушить одежду, обувь, но и по настоящему согреться. В такую погоду кашевар разжигал два костра. Между кострами, из жердей делалась изгородь, на которую развешивалась сырая одежда лесорубов. Когда все работники залезли в шалаш кашевар подполз к Онуфрию.

– У него, на «прямую» – у этого конвоира я не спрашивал, но его напарник дал мне понять: Петров родом тоже из под Мурома, – тихо он прошептал на ухо атаману все добытые сведения.

– Это всё меняет.

– Что меняет?

– Дурак. Его нужно срочно убрать, иначе мне за хорошие дела наденут кандалы, чтобы канавы возле этой дороги было удобнее рыть.

– Где стоят кандалники?

– За полверсты «отседова»...

– М-м-... А копают почти рядом с нами... М-м... Подними ёще этого....

– Кого?

– С бельмом на глазу... Николу одноглазого. Давай!

Через несколько мгновений трое мужчин с пилой и топорами отправились в сумерках к месту, где кандалники-арестанты окончили работу. Онуфрий внимательно осмотрел место и сделал выбор,

– Подпилим вот эту суковатую большую ёлку...

Работа у заговорщиков закипела дружно; они попеременно сменяли друг друга. Когда у дерева остался небольшой недопил, Сундуков руками попробовал его свалить. И когда ель готова была упасть, он сказал:

– Кончайте пилить!

Мужики вытащили пилу из пропила.

– Завтра, Димитрий, ты толкнёшь жердью это дерево на дорогу, когда к месту падения подойдёт этот конвоир. Понял?

– Понял. Но под дерево и арестанты могут попасть?

– Лес рубят – щепки летят... Я в это время отвлеку их внимание на себя.

– Как?

– Они рты раскроют, глаза «вылупят», а ты вали дерево и бегом с жердью по лесу к своей каше. Понял?

– У-гу.

Никто из лесорубов, работающих здесь артелями старообрядцев, башкир, татар не обратил внимания на трех мужчин, бредущих по лесу к своему шалашу: все попряталась от дождя в шалашах.

– Погода нам на руку, – удовлетворённо, с некоторой скрытой радостью отметил Онуфрий.

– Не успели высушить «одежу», как опять вымокли, – раздражается Николай.

– До утра ёще успеет просохнуть, только поближе к костру положи нашу «имуницию».

Утро следующего дня началась обычно, – с криков приказчика Лизунова,

– Вставай!!! Кашу едим, – к работе приступаем!

В шалашах, возле потухших костров началось оживление. Башкиры и татары начали бормотать молитвы, старообрядцы крестили лбы, вычитывая полностью утренний канон, обращая свой взор к восходящему солнцу. В ватаге Сундукова все молча, перекрестив лбы, сгрудились вокруг дымящего котла с кашей. В это утро солнце впервые за несколько последних дней порадовало лесорубов: капли дождя играли всеми переливами радужных цветов на кустах, на деревьях, на траве.

– Эк, какая баса³¹ молвил один из ватажников, сглотив кашу с ложки, – Верно «дён» пятнадцать хорошей-то погоды не видывали...

– Навечаешь³², Михайло, – остановил его домыслы одноглазый Никола. – Просто плохая погода всегда долго тянется, а хорошая быстро проскакивает. Всего-то недельку помаялись...

– Может и так, – с трудом согласился с веским доводом ватажника Михаил.

Зазвенели на расчищенной дороге кандалами арестанты, стали слышны громкие команды и выкрики конвоиров. Сундуков, пряча ложку в шалаше, подмигнул кашевару, бросив на ходу,

– Смотри, – не «проворонь»: арестанты вышли на дорогу...

– У – гу.

Через некоторое время лес наполнился криками рабочих и гулками утробными «вздохами» падающих деревьев. Мужики, занятые раскорчёвкой, яростно ругали лошадей, хлестали их кнутами и вожжами. Но вдруг Онуфрий, вытащив очередной пень из земли, поднял на себя лошадь, и понёс её к пню, который намеревался вытаскивать. Все невольно обратили внимание на подобный «фокус» гиганта.

– Ё-моё, – зачем ему лошадь, – удивился благообразный старообрядец, подготавливая сруб для моста через речушку. Арестанты и конвоиры оставили зенки³³ на могучего работника с лошадьёю на плечах.

– Ему что и делать нечего? – удивился конвоир.

– Видать настроение у мужика появилось, – хихихнул один из арестантов. – Бабу хочет!

Все дружно захохотали, не заметив как большая раскидистая ель плавно, только слегка скрипнув, повалилась на дорогу. Её хлесткий, гулкий удар о землю вызвал невообразимый ор среди арестантов и конвоиров. Под деревом оказалось четыре человека: один конвоир и три арестанта, которые не успели «заглубиться» в придорожную канаву. Рабочие разом бросились вызволять пострадавших из-под рухнувшего дерева; вагами был приподнят ствол ели. Четырех пострадавших мужчин вытащили на расчищенный участок дороги.

Два арестанта сразу подали признаки жизни; они разводили руками, сучили ногами и стонали от боли. А конвоир с третьим арестантом не подавали ни каких признаков жизни, мало того судорога уже начала сводить мышцы их тел.

– Скончались, – сняв суконный картуз с головы, – глухо сказал приказчик Лизунов. – Следствие надо вести: почему надпиленное дерево оказалось не сваленным?

Здесь он обратил внимание на то, как ему пальцем маячил Сундуков.

– Мёртвых и раненых положить пока в тени дерева до особого распоряжения, – распорядился приказчик, подходя к Онуфрию.

– Что у тебя?

– Михалыч, а кто вчера отдал указание пилить бревна кержакам для мостика через речку? Вот мы и начали пилить, а ты другой сразу отдал приказ: погодить с заготовкой брёвен, – речка от дождей вспухла: валите дальше лес по дороге, за речкой. Вот мы и сделали там небольшой задел.

---

³¹ Баса – Красота.

³² Навечать – делать навет, говорить ложь.

³³ Зенки – глаза, очи.

- Меня обвиняешь?
- Нет. Просто случай вышел такой...
- Ничего себе случай: дерево – то было почти полностью спилено: дунуть – оно упадёт...
- Вот ветер и дунул.
- Не получится: надо здесь усмотреть умысел и кого-то наказать за это. Майор Кичигин спуска не даст, – проведёт расследование. Надо срочно найти виновного и допросить его до приезда начальства.
- Возьми из татар или башкир.
- Галдёж будет большой у них.
- Кержаков потерял...
- С этими вообще лучше не связываться: бросят работу, а кто мосты наводит через речки будет, – нет мастеров. Давай твоего!
- Бери кашевара – Огрызка. Ну, рыжего... Может сознается?...
- У нас все и во всём признаются.
- Его денежку мне выплатишь сполна.
- А нет: мне половину его заработка.
- Михалыч, имей совесть: он находится в моей ватаге. В лучшем случае тебе перепадёт пятая часть, и то если ватажники не потребуют равной доли на себя.
- Я деньги выдам тебе, за вычетом трети кашевара, а дальше уже тебе решать вопрос с ватажниками. Хорошо!?
- Ладно.

Через некоторое время, ещё до обеда, к шалашу ватажников атамана Сундукова подошли два конвоира и увели кашевара Дмитрия с собой. Раненых арестантов на подводе отправили в Кунгур, а вечером этого дня возле дороги вырыли две могилы: в первой похоронили конвоира, во второй – арестанта с рыжим мужичком по кличке Огрызок. На могиле конвоира был установлен восьмиконечный крест. Через четыре дня в лагерь строителей дороги приехали два военных чина из Кунгура; они долго о чем – то беседовали с приказчиком Лизуновым, бродили вблизи места трагедии, а к вечеру, на подводе, уехали обратно в уездное село.

Изгнание

Длительное ненастье нагоняло тоску на всех жителей пауля. Рыбной ловлей практически не занимались; питались исключительно пресными лепёшками, которые женщины пекли на горячих камнях в очаге. Мужчины недовольно молчали: привезенная мука из Кунгура «таяла на глазах». Пахын уже целую Луну жил в коле своего погибшего друга Сатэна. Жена – Мэрта кормила грудью маленького Алюню и часто жаловалась Пахыну: молоко плохое – нет мяса у меня в пище. Ребёнок начинает чахнуть, – тельце легче становится.

– Потерпеть надо – скоро на охоту выйдем, – отвечал Пахын, натачивая охотничий нож на камне. – Тогда всё будет нормально.

– Может и поздно будет, – обижалась Мэрта. – Вот пойду к кузнецу³⁴ Кырылю и попрошу у него мяса.

– Ай, только не это! – Возмущается охотник. – Только не это. Он – человек Нижнего мира... Уж лучше я сам что-то придумаю.

На следующий день, смазав обильно обувь барсучьим салом, Пахын вышел на охоту. Тяжелые тёмные тучи зависли над лесом, изливаясь на землю мелким густым дождём. – Долго сухим мне не остаться, – с горечью подумал Пахын. – Одежда и обувь пропустит воду... С кустов, высокой, в человеческий рост травы, сливалась на охотника влага. За охотником оставался четкий тёмный след примятой ногами растительности. Освобожденная от влаги трава теряла своеобразный молочно – дымчатый цвет, приобретая естественный – зеленый. В это время у манси разрешалась охота только на перелётную дичь, птенцы которой уже «встали» на крыло. Охотник «серчал» более всего на самого себя: ловушки для рыбы, которые перешли ему от Сатэна, унесло водой в половодье, вызванное обильными дождями. Он поленился в проливной дождь выехать на лодке и вынести ловушки на берег. Теперь придётся вновь плести ловушки. Атя плёл обычно ловушки в зимнее время, когда ивовый прут наиболее крепок. Летом ивовый прут ещё только сочен, но не прочен; ловушки из такого материала будут недолговечными. И всё же отцу семейства ловушки для рыбы нужно будет делать.

Размышляя, таким образом, Пахын прошёл вдоль склона горы, затем решил подняться на неё, но нигде не слышал птичьего крика, или какого – то оживления в лесу. Где-то недовольно каркнула уринква³⁵.

– Кто-то её побеспокоил, – подумал охотник, поднимаясь по склону горы, между больших, поросших мохом стволов ели. У него появился охотничий азарт.

На опушке горы он обследовал почти каждый куст зарослей черёмухи, рябины, но следов дичи не обнаружил.

– Она – уринква посмеялась мне в лицо, – злая птица, – расстроился Пахын, решив пройти ещё вдоль лога к следующей горе, где он всегда встречал много пернатой дичи. Намокшая одежда и обувь сильно мешала движению, её тяжесть реально прижимала тело молодого охотника к земле. Ему хотелось сесть под дерево и блаженно подремать, но он знал: стоит только расслабиться, как силы его покинут, а простуда проникнет внутрь тела. Поиск дичи и на следующей горе ни к чему не привёл. Пахын повернул обратно к паулю, надумав пройти к реке Сылве, а уж потом по берегу подняться вверх по реке, до родного поселения. Окончательно измотавшись, Пахын вышел к речке, где была всем известная в пауле бобровая плотина, вблизи которой Асык сразился с медведем. В это сильное половодье бобры вынуждены были обитать на суше; подводные дома были затоплены. Вот и чудо: на берегу речки стояли два бобра, обгладывая кору на толстой ольхе. Из-за шума дождя они не заметили, как Пахын ока-

³⁴ ...к кузнецу Кырылю – у манси кузнец был представителем Нижнего мира.

³⁵ Уринква – ворона.

зался почти рядом. Охотничий азарт, отцовский долг заглушили всяческие запреты на охоту в это время на бобров; в этот миг он не думал ни о чём, как только о жене Мэрте и её сыне Алуне. Охотник поднял лук, положил стрелу на сырую тетиву. Своей мишенью выбрал более крупного бобра.

Стрела точно ушла в цель; тетива выбросила облачко мелких водяных брызг. Бобр пораженный стрелой завалился на бок, дёргая короткими ножками, хлопая хвостом – лопатой о землю. Второй бобр в один миг, неуклюже прыгая, бросился в речку, но предварительно подав сигнал – свист. Этим свистом он предупредил маленьких бобряток; они были ниже по течению речки. По характерным шлепкам о воду можно было понять: бобрята тоже прыгнули в реку.

– Ёх! – обрадовался Пахын, подбегая к добыче. В это время он уже не чувствовал ни тяжелой сырой одежды ни промозглой дождливой погоды: неудачи длинного дня окупались блестящей для семьи добычей. Пахын осторожно вытащил стрелу из тела бобра, который ещё продолжал конвульсивно содрогаться, взвалил добычу на плечи и вдоль реки направился вверх. Когда Пахын вошел в пауль, то все собаки разом оживились, подняв невообразимый гвалт. Только охотник вошёл в свой кол, как к нему пришёл Асык. Увидев добычу Пахына на полу, он пришёл в яростное негодование.

– Бери добычу и пошли из пауля, – приказал он пыгу.

Пахын неохотно положил добычу на плечи и вышел вслед за отцом.

– Ты, понимаешь, что сделал? Ты совершил самый тяжкий грех у манси. Ты убил бобра, который жил со своей семьёй рядом с нами. Ты не подождал, когда вырастут маленькие бобрята, и из их числа определится самец, который сможет заменить убитого тобой бобра. Они – люди Нижнего мира, тоже нуждаются в порядке, а ты его нарушил. Теперь Нижний мир будет нам мстить и уносить к себе наши жизни, точно также как ты унёс у них бобра в наш Средний мир. Этот бобёр был для нас хозяином; он для нас, как оберег. Посмотри на его зубы! – гневно воспитывал молодого охотника Асык. – Ты позор нашего народа. Мы – люди бобра не сможем простить тебе этого греха.

Пахын, уже за пределами пауля, снял добычу с плеча и обнажил зубы бобра.

– У него один зуб сломан, – отметил он.

– То-то, – безрадостно сказал Асык. – За него тебя должны закопать в землю вниз головой³⁶. Этого бобра никто в нашем пауле не трогал; он у всех был на виду: приносил удачу на охоте. Сиди здесь со своей добычей и жди меня. Понял! – Асык развернулся и ушёл обратно в пауль.

Вернулся он быстро с топором за поясом с луком и копьём в руках, с небольшой холщевой сумкой на плече.

– Как бы мне не было тяжело, но я вынужден тебя Пахын отправить в Нижний мир³⁷ – начал не простой разговор отец.

– Убить думаешь?

– Нет, хотя ты и заслуживаешь этого. Уйдешь в Нижний мир сам. Иди всё на Центральную³⁸ звезду. Пройдешь землю манси, затем землю хантов, а на исходе лета, среди высоких гор Нижнего мира сделаешь свой пауль, если сможешь дойти. Вот держи топор, твой лук, стрелы, копье. Отец подал все необходимые охотничьи принадлежности сыну. На топорище, на древке копья были вырезаны аккуратные рисунки бобров.

– Видишь, что это бобры?

³⁶ ...вниз головой – у манси за тяжёлый грех хоронили человека вниз головой, чтобы его Душа никогда более уже не посещала Средний мир.

³⁷ Нижний мир- Нижний мир был у манси не только по вертикали, но и по горизонтали. Запад и север считались Нижним миром, а юг и восток – Верхним миром. Отправляя в Нижний мир сына, Асык поступил точно также, как Тарас Бульба.

³⁸ Центральная звезда – Полярная звезда.

– Вижу, – угрюмо ответил Пахын. – Но я хотел как лучше.

– Всё разговоры лишние не нужны, а то вслед за собаками к нам придут жители пауля.

А там разговор совсем будет не тот. Понял?

– Ёх. А как же Мэрта с детьми?

– Вот это другое дело. Держи огниво, кремень, – отец отдал сыну холщёвый мешок. – Смотри: на ночь останавливайся заблаговременно, в темноте без огня не оставайся. Костер лучше разводить на горе, а не в низине, где больше злых духов. У речки Пижвы поставишь «страшилку», чтобы Духи нашего селенья не ушли за тобой. У этой речки заканчиваются наши земли. От неё ты на плоту спустишься по Чус-ве, до того места, где она отклоняется налево. Понял? А там дальше по землям хантов иди осторожно, пока их не минуешь. Иди! О Мэрте и её детях мы позаботимся.

Асык развернулся, и не оглядываясь направился в пауль. Дождь назойливо продолжал моросить.

Заговор

За полтора месяца лесорубы, строители дороги прошли более 50 верст. К концу августа они вышли вновь в верховья реки Сылвы. Место было не болотистое, сухое. Приказчик Лизунов решил на данном участке не делать мост, а ограничиться обычным бродом.

Это ускорило работу по прокладке первой дороги на Среднем Урале. Поредевшая ватага Сундукова вместе с инородцами продолжала, как и прежде валить лес, выкорчёвывать пни. Следом за ними шли канавокопатели – арестанты. Они значительно отстали от вальщиков леса.

– Мужики! – прилетел утром, как обычно приказчик с громким криком. – Вставайте, – есть разговор!

Лагерь стал оживать: татары и башкиры начали заунывно читать молитвы, кержаки молча оживляли костёр, а ватаге Сундукова матерились, крестили лбы и не торопились вылезать из шалашей на росистый прохладный луг, окутанный молочным туманом.

– Зябко, едрёна вошь! – проворчал одноглазый Николай, поправляя котел над потухшим костром. Он разгреб золу, открыв оставленные с вечера угли. Положив на угли узкие полоски бересты, встал на колени и с силой начал дуть. Слабый огонёк побежал по бересте, скручивая её в колечки. На подёрнутые огнем колечки бересты положил мелкие сухие сучья ели и пихты. Вскоре костёр горел в полную силу.

– Мужики, – сунул бородатую физиономию в шалаш ватажник. – Приказной сегодня что-то хочет нам объявить: орал как – то по иному, – не так как в прежние дни.

– А чего он может сказать? – кроме того, что работать мужики надо, – отметил немногословный, обстоятельный Арсений.

– А вот шиш его знает приказного-то? – может учудит чего нам?

– Нечего ему чудить, – вступил в разговор, откашливаясь Сундуков. – Работе скоро шабаш! «Остальное» будут на следующий год доделывать.

– Да иди ты! – удивился Михаил. – Не поворачивайся Онуфрий – ведь шалаш развалишь и меня ненароком замаять можешь..

– То-то. Сведения у меня верные. Вылезаем!

Ватажники поругиваясь, поёживаясь от холода, выползли из шалашей, и подходя к костру молча грели онемевшие от холода тела. Отогревшись, мужики уселись вокруг котла с кашей. Трапеза прошла в полном молчании. Только Арсений высказал неудовольствие,

– Можно было бы мяса заготовить?

– За мясом бегать надо, – а работать кто будет? – ответил кашевар. – Давайте: побегайте!

– Да здесь дичи не меряно: чего и бегать за ней, – высказался Михаил.

– Набегаются ещё, – вытирая ложку о штаны, отметил Сундуков. – Будет вам время. Идите на поляну, а я взгляну: где у меня лошадь пасётся.

На небольшой поляне, перед большим шалашом, сделанным в виде чума, собрались все вольнонаемные строители дороги. Башкиры и татары оживлённо переговаривались между собой на родных языках. Пёстрые халаты башкиров обязательно дополнялись меховым головным убором – малахаем. Татары были одеты в серые азямы, но зато многоцветные тюбетейки выделяли этот народ среди общей толпы строителей дороги. Старообрядцы стояли поодаль от общей толпы, степенно поглаживая бороды, ведя неспешный разговор о погоде, о благодатном и богатом уральском крае.

Когда первые лучи солнца легли на вершины деревьев, возле проложенной дороги, перед толпой строителей, вытирая жирные толстые губы рукавом кафтана появился приказчик Лизунов.

– Ну, мужики, согласно подряду мы прошли свои версты, а до Чусовой-реки, – не дошли. Сылву вот уже вторично миновали. Если измерять вёрстами, то деньги выделенные казной

на дорогу выработаны, а нужно ещё вёрст «эдак» 25 до Чусовой идти: замеры были сделаны неверные... Поэтому я сегодня выезжаю в Кунгур, привожу вам деньги через пять-шесть дней, и после чего разойдётесь все по домам. Понятно?

– А что будем делать эти пять «дён»? – спросил один из старообрядцев.

– Займитесь рыбалкой, охотой, или ещё каким делом; «лошадные» мужики пусть приведут в порядок сбрую, телеги. В конце-концов, посадите заплатки на свою ветхую одежду, – это тоже дело.

Возбуждённо обсуждая, решение приказчика, работники начали расходиться по местам своего размещения. Некоторые рабочие усаживались возле костров для продолжения беседы, а кое – кто решил ещё лишний часок вздремнуть в шалашах. Только Сундуков, со своей, ватажкой плотным кольцом сидели вокруг костра. Разговор с ватажниками вёл Онуфрий.

– За пять дней надо успеть провернуть дело с вогулами. Для чего нужно к ним отправить лазутчика, который бы выведал всё о Священном дереве. Поселение вогулов здесь рядом: нужно только чуть спуститься вниз по реке... Для этого дела надо определить двух человек: лазутчик – раз и два – человек, который со стороны будет наблюдать за вогулами и передавать нам сведения.

– Соглядатай, – определил одноглазый Никола.

– Верно, – согласился Сундуков. – Вот ты пойдёшь к вогулам, а через Михаила будем держать с тобой связь. Понятно!

– Почему я иду к этим нехристям? – не одобрил замысел атамана Николай.

– Ты имеешь убогость: один только глаз, а если ещё будешь на одну ногу припадать, то они тебе и доверять будут больше, – выложил свой довод Онуфрий.

– Если нужно вызвать доверие, то лучше тебя Сундук послать, – ты большой, – отмахнувшись от назойливого комара отметил степенный Арсений.

– Здесь нужно не только вызвать доверие, но и жалость. А кто будет меня жалеть? – захохотал атаман.

Ватажка дружным хохотом поддержала Сундукова, Длинные всколоченные бороды ватажников затряслись от смеха.

– А что если нам на обратной дороге встретить приказчика? – высказал дерзкое предложение, молчавший до сих пор Михаил.

– И не думай, – бросил на него злой взгляд Онуфрий. – С большой охраной обратно поедет, – только время потеряем. Арсений с этого дня кашеварит, Тихон с Афоней рыбачат и ему помогают. Мне нужно привести в порядок лошадь, сбрую, телегу. Ясно?

– У-гу, – согласилась ватага.

– Приступайте к делу. Я ещё дам некоторые наставления нашим соглядатаям.

Он отошёл от костра под раскидистую большую ель возле прорубленной, но ещё не имеющей канав дороги.

– Вогулы в лесу очень ушлые, – подняв толстый мясистый указательный палец, отметил Онуфрий. – Поэтому начинает слежку Никола, а завершает её Михаил. Но Михаил должен жить от поселения воулов довольно далеко, чтобы собаки не «чуяли». Возьми с собой дополнительную «одежу», так как костёр разводить тебе нельзя. Ясно! Если что-то получится или вообще ничего не выйдет, то мы примем другое решение, но прежде вы должны нам всё сообщить. Отправляйтесь туда незамедлительно: время обретать богатство. Хотите жить как купец Паличев? А?

В единственном глазу Николая блеснула азартная искорка наживы, а борода Михаила задёргалась мелкой чувственной дрожью. По всему было видно, что атаман верно определил тайные желания своих ватажников.

Большая потеря

Асык, вернувшись с охоты, решил часть добычи – большого глухаря – отдать шаману. Ярык сидел возле избы, теребя правой рукой жидкую бородёнку и задумчиво поглядывая на поблекшую синеву неба.

– Сидишь? – примостился рядом на бревно Асык.

– Ёх.

– Сегодня ходил по реке выше речки Холодной³⁹...

– И что?

– Русь дорогу делает, много хороших деревьев пилит, а сухостой, валежник даже в костёр не берут... Плохо они в лесу живут: нет к нему уважения.

– Ёх.

– Да, перестань ты «ёхать», а скажи как дальше жить? – тебе, как шаману виднее. Они у нас всех зверей, дичь прогонят из лесов. Стрелы и лук они не используют, а только ружья, которые производят страшный треск. Такого шума в лесу у нас не бывало.

– Но у нас тоже есть два ружья.

– Есть, но только для того чтобы в зимнее время волков отгонять. Вот так!

– Так то оно так, – что – то заумное подумал Ярык.

Асык махнул левой рукою, отдавая глухаря шаману.

– Держи. Да вот ещё что нам с тобой надо обсудить: Мэрте, после изгнания Пахына нужен муж. В настоящий момент охотников в пауле нет. Нужно срочно кого-то посвятить в охотники из юношей. Я предлагаю сына кузнеца Кырыля Суклёма.

– Ёх, но только дня через два. Самому Кырылю нельзя к Священному дереву²...

– Я вместо него буду.

– Ёх

– Мне что-то не нравится твоё настроение: ты скрываешь от меня что-то?

– Нет.

– Ай. Когда будешь камлать возле Священного дерева, то узнай там у духов где находится Пахын. Хорошо?

– Узнаю. Предупреди Кырыля, чтобы приготовил сына к посвящению в охотники. Какой в этом году приплод у бобров и лосей? – я в лесу «редкий гость»

– И бобры и лоси дали в этом году неплохой приплод. Если разумно по началу осени охотиться, то зиму можно пережить без голода. Пушного зверя уже не взять такого числа как в прошлом сезоне: норки и выдры стало меньше.

– Так верно из-за рыбы?

– Да нет же! Причина в другом, только мне неясна: Нижний мир наказывает нас за грехи. – Сделав небольшую паузу, добавил, – Вот и узнай всё у своих духов, – тебе проще это сделать. Слышь, что-то собаки начали бурно ругаться: пойду – взгляну, что там делается.

Асык встал и отправился в направлении реки, куда побежали собаки со всего пауля, а следом за ними понеслись с визгом и гогом ребятишки. На берегу реки, неизвестный мужчина отмахивался большой суковатой палкой от собак. Собачий лай, рычание означали: скоро они перейдут в нападение. В таких условиях даже медведь не способен показать силу. Единственный глаз пришельца выражал полную растерянность и смятение; он явно не рассчитывал на подобный приём.

– Хать! – крикнул на собак Асык. – Хать! Хать!

³⁹ ...речка Холодная¹ – ныне речка Ломовка.

Собаки недовольно вильнув хвостами, вначале отошли от незнакомца а потом повернули обратно в пауль; они посчитали, что свою роль выполнили доблестно. Дети стояли большой ватагой, с недоверием и любопытством разглядывая пришлого человека, – посторонние люди крайне редко появлялись в пауле. Этот мужчина выглядит совершенно иначе: не похож на охотников из поселения манси.

Асык спокойно подошёл к мужчине. И сразу определил: где – то этого человека он уже видел. Он быстро вспомнил всех людей, которых видел в Кунгуре и отметил: этот был в ватаге большого человека.

– Мир, Вам. – начал разговор незнакомец. – Меня зовут Никола.

Асык удивился: почему у их народа одно имя для человека и для Бога: у нас такого порядка нет, у них даже для Бога имён не хватает.

– Асык, – ткнув себя в грудь, отметил охотник.

Мужчина улыбнулся, сощурив единственный глаз.

– Рыбачил, – ногу повредил. Далеко надо идти, а нога сильно болит. – Он показал на правую ногу и одновременно продемонстрировал, как он ходит с помощью суковатой палки.

– Ёх, – отметил Асык, подставляя плечо незнакомцу.

– Полежишь у меня в коле, и нога сама собой заживёт. Пошли...

Дети потянулись вслед за мужчинами на почтительном расстоянии. К этому времени Майта уже сварила часть бобра.

Она выложила куски мяса на бересту перед всеми членами семьи, а также перед гостем. Все эти действия она сделала молча, не проронив ни одного слова. Перед сидящими за столом едоками хозяйка, кроме мяса поставила деревянные кружки с жирным бульоном и отломала по небольшому кусочку хлеба от ржаной лепёшки. Хлеб абсолютно не понравился Николаю; он с неудовольствием подумал: бабы не научены ставить дрожжевое тесто – неумехи, но вслух своих мыслей не высказал. Спать нежданного гостя положили на деревянную лавку возле стены, накрыв его несколькими шкурами.

Все члены семьи Асыка, включая маленьких мальчишек, тоже накрылись шкурами. Про себя Николай отметил: живут эти вогулы очень бедно. У них кроме охотничьих принадлежностей в избе ничего нет. Только за ружьё, висящее на стене, могут дать хорошие деньги.

– Асык, с ружьём-то на охоту ходишь? – интересуется Никола.

– Нет. Оно пугает животных в лесу, – много шуму... Зимой голодных волков от пауля отпугиваем. На охоту ходим с копьём и стрелами, так научили нас предки.

Зевнув, Николай быстро заснул, не продолжив диалога с хозяином избы, хотя ещё и думал полюбопытствовать насчет земледелия у вогулов: почему они не выращивают лук и репу. Казалось ведь чего проще: жги лес – сади репу – вот и вырастет сладкий овощ, – глупые люди. Где-то, в углу, настойчиво скреблась мышь, но она уже никого не раздражала.

Утром следующего дня, взяв небольшой кусок мяса, Асык отправился на охоту. Майта разделила остаток мяса между мальчиками и Николаем, а сама с дочерью ограничилась только бульоном и кусочком лепёшки.

В этот день Асык вновь принёс с охоты бобра, а его юные мальчишки смогли забить острой несколькими голавлей. Вечером, когда всё семейство, вместе с Николаем, с аппетитом потчевалось наваристой ухой, Асык заметил,

– Завтра у меня нет охоты: иду с Ярыком посвящать в охотники Суклёма. Мэрте нужен муж. Мясо бобра постарайтесь растянуть хотя бы на два – три дня. Мальчишки пусть займутся рыбалкой, а Майта, если день будет хороший, наберёт черёмухи возле реки, там её много... – Хлопнув себя по голове, добавил, – Чуть не забыл: отрежь мяса для Мэрты и её детей, или пригласи к себе. Поняла?»

– Ёх, – ответила Майта, собирая со стола деревянные кружки и ложки, которые она намеревалась вымыть в реке. Лоскуты бересты, на которые обычно выкладывалась рыба и мясо, она

бросила на тлеющие угли в очаг. Береста начала скручиваться, затем слегка задымила и неожиданно вспыхнула, осветив всю блестящую от сажи и жира середину кола, в абсолютной темноте остались лишь широкие лавки возле стен.

Там, сытно отрыгивая, сидел Николай; он радостно потирал ладони рук, – завтра он узнает: где находится Священное дерево. В этот момент внимательный человек мог бы узреть, как азартно блестит в темноте его единственный глаз.

Когда нежаркое осеннее солнце согнало росу с деревьев, но ещё не смогло обсушить траву, Асык с копьём и луком и стрелами отправился к шаману. Возле избы шамана, в которой был слышен громкий плач ребёнка, стоял в полном охотничьем снаряжении Суклём. Из избы вышел несколько озабоченный Ярык.

– Плохо спал, – болеет, – отметил он причину своего состояния. Асык дружески похлопал его по спине.

– Надо, Ярык, охотника нам: Мэрта с детьми может с голоду умереть. Всем нам надо!

– Ёх, – махнул рукой шаман, направляясь с бубном в сторону лога. За ним следом шли Асык и Суклём.

В этот момент Николай сидел на лодке возле реки, и как только охотники скрылись в лесу, он направился в том же направлении, притворно прихрамывая на правую ногу. Но как только он потерял из виду пауль, тут же бросил в сторону палку и пошёл по следу, который оставили охотники-манси во главе с шаманом.

След был явно виден, ибо он выделялся чернеющей полоской на фоне молочно-белесой травы, покрытой росой. Когда охотники вышли из лога на косогор, чтобы перевалить через гору, Ярык неожиданно предложил спутникам спрятаться за большим высоким старым пнём.

– Идёт за нами, – пояснил он.

Асык глазами выразил удивление.

– Твой гость, – тихо добавил шаман, вырывая волосок из длинной пряди волос на голове. Концы, длинного волоса Ярык завёл друг за друга, делая петлю. После этого он изобразил хватательное движение рукой в направлении соглядатая, и схваченное поместил в волосяное кольцо и уж затем затянул волос, сделав узел.

– Пусть покружит по лесу, – усмехнулся хитровато он. В этот момент тропа, обозначенная сбитой росой, буквально в миг стала неразличимой, вся растительность была вновь усыпана равномерно росой. Через некоторое время, на косогор, озираясь вокруг выскочил Николай и ничего, не понимая бросился вначале в одну сторону, затем двинулся совершенно в другом направлении. Когда соглядатай скрылся из виду, мужчины продолжили свой путь к Священному дереву.

Ритуал посвящения юноши в охотники проходил полностью в рамках традиций, установленных шаманом. Асык развёл костёр, на котором Ярык долго нагревал бубен. Когда же он убедился, что бубен «подпитал» достаточно энергии, приказал Суклёму влезть на дерево. При монотонной ходьбе шамана вокруг Священного дерева, Асык неожиданно задремал. Открылась ему во сне родная река Сылва. Река играет, блестит в лучах жаркого весеннего солнца. Ребятишки пауля резвятся возле реки, хохочут, визжат. Майта с маленьким ребёночком возле кола поёт нежную колыбельную песню. Белое марево черёмухового цвета покрыло всю долину реки. Чарующий запах наполнял всю долину любимой реки.. Вдруг он видит как по реке на плотах и лодках плывут бобры. Он думает: «Почему бобры уплывают от такой неземной красоты?»

– Эй, люди Нижнего мира, куда плывёте? И почему? Старший из бобров со знакомой шербинкой на зубе отвечает,

– Мы плывём к реке Счастья!»

– А чем Вам плоха наша река?

– Не будет на ней хорошей жизни! – отвечает бобёр.

– А как мы без Вас будем жить? – обеспокоился Асык.

– Вы тоже пойдёте искать свою реку Счастья – уже из-за поворота реки долетел до него ответ бобра.

Охотник проснулся в холодном поту. Перед Священным деревом лежал шаман, закончивший обряд посвящения. Суклём сидел на вершине берёзы, плотно обхватив один из крупных её побегов.

– Душа Ярыка сейчас ведёт разговор с Сямыном, – подумал Асык, но увиденный сон не давал ему покоя.

Нужно было ждать, когда шаман вернётся из путешествия по Верхнему и Нижнему мирам. Очнулся шаман довольно поздно; солнце уже начало садиться за верхушки деревьев.

– Идти надо, Ярык, а то мы можем стать добычей ночных духов, – отметил Асык.

– Ёх, только слаб я ещё, – ответил шаман, давая знак рукой Суклёму покинуть Священное дерево. Суклём не без удовольствия покинул дерево, прежде привязав на веточке цветную полоску ткани. Асык подошёл к Священному дереву и аккуратно положил возле его корней две серебряные монеты, которые были выручены во – время последней поездки в город Кунгур на продаже мехов.

– Теперь, ты – Суклём охотник. Сегодня же войди в кол к Мэрте. Там теперь твой дом. А сейчас возьми копье, стрелы, лук – мы отправляемся в обратный путь, – похлопал по плечу юношу опытный охотник.

Юноша в полноте восторга бросился бежать в пауль, но грозный окрик Асыка остановил его.

– Иди осторожно назад, по тому же следу.

– Зачем? – удивился юноша.

– Там ловушки для непрошенных гостей, для тех кто захочет осквернить наше дерево. Понял?

– Угу.

Медленно, пятясь задом, Суклём вернулся в исходное положение.

– Впереди пойдёт Ярык, – уже спокойно, улыбаясь сказал Асык. – Я понимаю: ты торопился к женщине. У тебя будет ещё много ночей с женщиной, а жизнь у охотника одна...

Вот Ярык, подхватив бубен с колотушкой, направился домой. Они молча дошли до ложка, перед самым паулем, когда Асык осмелился спросить,

– Где мой пыг Пахын?

– Идёт вдвоём через земли хантов...

– С кем идёт?

– С Сямыном.

– Как с Сямыном!? – удивился Асык. – Кто нам в пауле будет покровительствовать?

– Нуми – Торым и Калташ.

– Но у них очень много дел, а Сямын только нас охранял, – вот почему я видел такой странный сон.

– Какой сон, – в свою очередь удивился шаман.

– Видел, как все вить-уй покинули нашу любимую реку Сылву в поисках реки Счастья. Вождь их племени советовал и нам тоже покинуть эту реку. Вот какая беда! Нам без Сямына не выжить, – схватился за голову Асык. – Как он мог покинуть пауль ради одного Пахына?

– Ему там виднее, – ответил спокойно шаман.

При входе в пауль, когда собаки уже миролюбиво начали тявкать, Суклём озаботился об участии одноглазого мужчины.

– Будет кружить по лесу, пока не сгниёт волос, на котором я сделал узел, – ответил Ярык, – или же его кто – то найдет в лесу...

– Мы пойдём его искать? – удивлённо спросил юноша

– Нет. Его уже нашёл друг, который следил за ним.

- Зачем они следят друг за другом? – не унимался Суклём.
- Они никогда не доверяют друг другу; у них нет верного слова для дела. Они всегда, если нужно убедить кого – то в верном слове на помощь, призывают своего Бога, но даже Бог не способен сделать их порядочными...

Онуфрий

Николай уже сделал три круга по лесу, постоянно выскакивая на знакомый косогор, где он потерял охотников – манси. Его стал охватывать страх: он боялся остаться в лесу без огня, – развести костер, ввиду отсутствия огнива, он не мог. Из единственного глаза у него уже начали катиться слезы; он мечтал уже не о сытой купеческой жизни, а думал только о спасении своей жизни. В этот момент он вслух ругал Онуфрия Сундукова, принудившего его ещё в Муромских лесах к разбойному делу. Когда отчаяние полностью заселилось в сердце мужчины, на косогоре он вдруг увидел Михаила.

– Миха, – бросился он к ватажнику с радостным криком.

– Чего орёшь, дурень? Где вогулы?

– Миха, можешь не верить, но они испарились здесь: нет их.

– Вот за такие дела ты – сука одноглазая ответишь: «проворонил» наше богатство! «Сундук» тебе не простит.

– Дак, ить, – смутился Николай, – они как заколдованные исчезли, не оставив даже следов.

– Если бы я не видел, как вы уходили в лес, то ты-Никола здесь мог бы остаться навсегда. Понял?! «Раскусили» они тебя – соглядатай хренов! Надо идти в лагерь и держать совет с атаманом. Вот только мне бы не сбиться с той дороги, по которой пришёл, а то уже вдвоём блуждать по лесу будем. В начале доберемся до моего лагеря – там заночуем, а уж утром пойдём к нашим.

Путь к месту стоянки Михаила был не легким. Густой лес с мягким зыбучим мхом сменялся небольшими болотцами, иногда на взгорках рос обильно шиповник, черёмуха. В этих диких и цепких зарослях кустарников они стогнали с насиженных мест целые стаи рябчиков, вальдшнепов. Изредка встречался гигант – глухарь, который с трудом отрывался от земли, пугая гулким шумом путников.

– Всякой дичины здесь в изобилии, – отмечает Николай.

– Да, вот бы ещё денежка водилась, – добавляет Михаил.

– Будет тебе и «деньга большая».

– Спасибо, – съиронизировал Михаил. – С твоей помощью...

– Да что ты «заладил», – возмутился одноглазый путник, разрывая штанину на сучке черемухи, – я и сам переживаю, – не «фартануло»... Сундук – большой, – придумает...

– Ты значит пакостить, а думать – другой. Получишь долю меньше, если обнаружим это дерево.

– Ох, и падла же ты! – огрызнулся Николай.

– Я думаю: Онуфрий такого же мнения будет о тебе.

– Конечно: ему только дай повод объегорить ближнего, без штанов может оставить...

Если бы на большой дороге он встретил самого Христа, то и его бы ограбил.

– Смотри под ноги лучше, – предупреждает попутчика Михаил. – Здесь ложок. А там – на холме моё логово.

– Видишь большую сосну.

– Вижу.

– С неё я следил за вами. – Хорошее место. Костер разведём...

– Нет, – Онуфрий запретил... Уже в сумерках путники подошли к сосне. Из густых зарослей шиповника, что рос вблизи сосны Михаил вытащил три суконных кафтана. В холщовом узле, висящем на сосновом суку, находилось немного черствого хлеба. Михаил на правах хозяина радушно поделил кусок хлеба пополам. В наступившей звенящей ночной тишине

только слышны были глухие пугающие крики филина. Путники, прижавшись друг к другу, спали крепко, – сильная усталость – лучшая нянька.

Проснулись мужчины довольно поздно, но роса ещё искрилась мелкой алмазной россыпью на высоких стеблях травы. Дятел уже начал трудиться над очередным «лесным пациентом». Дробный стук пернатого лекаря разрывал осеннюю тишину уральского леса.

– Эх, нам и поспать не дал, – размял онемевшее тело Николай.

– Пока роса не обсохнет, – не пойдем. Вымокнем полностью, да и роса сейчас очень холодная... Подождать надо... Вот только есть нечего.

В лагере путники появились в середине дня. В шалаше находились только Онуфрий с Арсением.

– Ну, выведали? – почти одновременно спросили ватажники, забыв о положенном в этом случае приветствии. Они «горели» от нетерпения и ожидания хороших вестей.

– Нет, – мрачно, опустив голову, ответил Николай. Ушли от меня так, что даже не оставили следов: то ли под землей, то ли по воздуху.

– Дурень! А я на тебя одноглазого надеялся, – возмутился атаман. – Повесить бы тебя, да что толку. Как сейчас найти это дерево? – думайте!!!

– Дык, мы хотели как бы по-хорошему, а они – треклятые вогулы хитрыми оказались, – оправдывался Николай. – Перекусить бы нам...

– Арсений, у тебя где – то уха осталась в котле, – отдай её этим двум вахлакам, – распорядился Онуфрий. Я пока полежу и всё обдумаю.

Путники в один момент повеселели, бросились разжигать костер чтобы подогреть варево. Но через несколько мгновений голодные мужики уже ворочали деревянными ложками, не думая разогревать уху.

– А я думал, что атаман нас с потрохами съест, – добродушно смеется Николай.

– Ага, – отвечает ему Михаил, – пока у него ещё на нас нет аппетита, о золоте он думает.

– Эй, Никола, – неожиданно кричит из шалаша Сундуков, – подь сюда.

Бросив ложку на траву, ватажник подбежал к шалашу.

– Ночью вогулы караулы выставляют?

– Нет. Ночью все они спят; ночь у вогулов отведена для духов умерших. Они никогда и никакого дела по ночам не делают, – не положено. Вера у них такая.

– Так. А собаки тебя уже знают, как своего?

– Уже на меня не лаяли.

– Это хорошо. Иди ешь, а я ещё подумаю.

Когда мужики насытились, Онуфрий вылез из шалаша и сам подошёл к ватажникам, присев на большой чурбан возле костра.

– Первое. мужики, нужно сменить место нашего лагеря. Второе, нужно взять дёгтю два – три тuesa. А я прихвачу у приказчика парочку мушкетов, – надеюсь, что он не обидится сильно, если мы поохотимся немного. А? Кричите этих двух рыбаков и в путь, – у нас времени до приезда Лизунова осталось мало. Завтра мы должны всё решить...

– Богатые будем, – заулыбался Николай. – А как ты ты мушкеты возьмёшь?

– Молча. Там остался у него только Ильюшка-подлипало...

– А как делить золото будем? – не унимался Николай, уже чувствуя, что его вину никто не вспоминает..

– Типун тебе на язык, одноглазый, – зло сверкнув глазами на ватажника, заметил Онуфрий. – Вначале должно быть дело, а не слово. Поняли! За дело! Арсений идет за рыбаками, Николай – за дёгтем, Михаил собирает утварь и одежду. Мне надо на время пристроить лошадь к кержакам. Быстрой!

Пожар

Ватага Сундукова спустилась вниз по реке Сылве. Временный лагерь был оборудован на холодной и быстрой речушке.

– Никаких шалашей не делать, – добывайте рыбу, а лучше каких-либо животных для прикорма собак у вогулов, – отдал распоряжение атаман. – Скоро надо выступить, и до темноты быть на том месте, где находился Михаил. Понятно?

Ватажники разбежались по реке, кое-кто пошел вдоль речки вверх по течению. Минуло немного времени, а Онуфрий уже зычным криком призвал ватажников вернуться к месту сбора на берегу речушки. Одноглазый Николай принёс большое количество хариусов.

– Морду вогульскую потрянул, – обрадовано сообщил он. – Там на речке много бобровых плотин, но добыть хоть бы одного, – не удалось: очень хорошо слышат.

– По лесу надо уметь ходить, – попробовал его назидательно поучить Арсений.

– А ты – то что поймал? – в свою очередь «насел» на ватажника Николай.

– Небольшую щучку оглушил в заводи.

– А чего учишь тогда? – хвастаться вроде и нечем?

– Чужие ловушки зато не проверял.

– Иш ты! – чистеньким хочешь в рай попасть, но не получится: грехов за тобой не мало числится. А тут уж одним больше, одним меньше – какая разница. В это время к стоянке подошли и другие ватажники. Некоторые принесли рыбу, а Михаил смог поймать только несколько крупных лягушек, и около полутора десятков раков.

– Ничего себе улов? – удивился Сундуков.

– У них собаки всё едят.

– Ну посмотрим. А теперь быстро сварить уху и в путь. На уху использовать только мелочь – рыбу.

– А хариуса можно? – осведомился наивно Николай.

– Нет. Хариус для собак.

– О-го, – переглянулись между собой ватажники.

– Видать очень важное дело затеял у нас атаман, – отметил деловитый Арсений.

Мужчины сноровисто и быстро занялись приготовлением пищи. Атаман назойливо всех торопил: надо спешить, чтобы ещё до сумерек быть возле поселения вогулов. По этой причине огонь в костре поддерживали интенсивный. И только в ухе, у рыбы побели глаза, как Сундуков распорядился снимать котел с костра. Трапеза была недолгой. Спрятав нехитрую утварь в густых зарослях ивняка, мужчины вооруженные двумя мушкетами, топорами и с двумя туесами дегтя отправились далее вниз по течению реки.

Когда солнце уже зависло над верхушками деревьев, ватажники пришли на место, где ещё день назад обитали Михаил и Николай.

– Одноглазый, подь сюда, – распорядился первым делом Сундуков.

– Чо, даже «маленько» отдохнуть нельзя?

– Дело надо делать, а отдохнуть ты ещё успеешь, когда богатством обзаведёшься. А теперь рассказывай кто из этих вогулов и где живет.

– Вон там, вторая с краю изба – Асык; он у них как бы старший, вроде атамана будет. Сюда ближе, через избу шаман. Вот в той с самого краю юрте живет кузнец Кырьль...

– Всё? Кто знает из них дорогу к Священному дереву? – Только Асык и шаман. Остальные к дереву не допускаются⁴⁰.

---

⁴⁰ ...к Священному дереву нельзя – кузнецу манси, как представителю Нижнего мира запрещалось участвовать в священных ритуалах.

– Всё. Эй, идите всё сюда, – он сделал огромной рукой жест, обозначающий присоединиться к ним.

Все пристроились вокруг своего атамана.

– Нужно сейчас же вырубить толстые палки, длиною не более чем в половину сажени; они нужны для того чтобы подпереть двери изб вогулов. Кроме этого сделайте для себя увесистые дубинки. Когда все двери изб будут надежно припёрты, мы вытащим из жилищ только двух человек: Асыка – предводителя, и шамана.

Остальные нам не нужны: поджигаем юрты и вонючие избы вогулов.

– Там детки и бабы, – робко заметил Тихон.

– Ты хочешь, чтобы царские слуги гонялись за тобой, как за разбойником?! А?

– Нет!

– В этом случае нельзя оставлять следов и свидетелей. Они хоть и инородцы, но находятся под защитой государя. Поэтому всем заготовить факелы – деготь есть. Использовать тряпьё, бересту... Проверьте все своё огниво. Первым к ним, в середине ночи, пойдет Никола. Он возьмет с собой всю рыбу и другую снедь для собак. Когда собаки успокоятся, – зайдем в поселение мы. Вначале подпираем все избы. Вытаскиваем на свет божий сведущих людей, а уж затем просто начинаем палить. Ясно!?

– Может по другому к дереву подобраться? – высказал сомнение молчаливый и угрюмый Афоня, теребя черную как уголь широкую бороду.

– Был способ, но наши дураки не смогли объегорить вогулов. Вот они! – он показал пальцем на Николая с Михаилом. – На них и ляжет вся вина...

На этом закончилось обсуждение плана нападения на вогульское поселение. Ватажники, пока ещё было светло, занялись подготовкой к предстоящей операции.

В это время в пауле над юртами и колами вился дым: все разожгли очаги, чтобы на ночь лечь спать сытыми и в тепле. Бледно – серебристая луна уже начала выделяться на быстро темнеющем небосклоне. Активная лесная жизнь замирала. Легкий холодок начал тянуть по земле, образуя легкий белесый почти незаметный туман, который оседал мелки каплями воды на пожухшей осенней траве. Когда в пауле наступила полная тишина, ватажники вышли в путь. Расстояние до поселения было не более версты. Но пока они шли по высокой траве, то полностью вымокли.

– Вымокли до нитки, – заворчал Арсений.

– Подожди, – высохнешь отменно, – отметил лукаво ему Сундуков. – Тише. Понял?

– М-гы.

Пройдя ещё немного, Онуфрий остановил путников,

– Шабаш. Дальше идёт пока Никола. Забирай у нас рыбу, провиант... Иди. Как только собаки начнут есть, – мы подходим к тебе...

Ватажник собрал рыбу в один мешок, выразив неудовольствие тем, что идёт первым, отправился в темноту леса. До пауля он добрался довольно быстро. Собаки почувствовали его и вначале вяло, негромко начали потягивать.

– Хать, хать, – подал голос и Николай.

Собаки вяло потянулись к нему, и когда он был уже возле первого кола, то вся свора пауля стояла возле него. В темноте были видны их зловещие глаза. Ватажник сбросил мешок перед ними. Собаки вцепились в мешок с рыбой и начали его рвать зубами. В это время Николай спокойно отошёл к амбару, в котором вогулы хранили деревянные фигурки своих Богов. Его била нервная дрожь. Когда в пауль вошли ватажники, собаки уже разорвали мешок с рыбой, и растаскивали её по норам возле своих юрт и колов.

– Подпереть двери всех деревянных изб. Особо охранять юрты, ибо из них выскочить проще. Зажигайте факелы, – сразу взял полноту всего руководства на себя Сундуков. С факелом в руке Онуфрий, с соглядатаем вошел в кол Асыка.

- Как здесь тесно, что и повернуться невозможно, – начал сердчать атаман.
- Одноглазый, где под этими шкурами спит предводитель вогулов?
- Вот напротив очага справа.

В это время Асык уже проснулся и протянул руку к копыю, которое находилось на стене. Но длинной рукой Онуфрий успел схватить его за длинные волосы и подтащить к себе.

- Ты, сволочь, ещё думал сопротивляться?
- Ёх, – ответил Асык.

Проснулась жена Майта, дочь Татьяна и уже бросились на ватажников, но Сундуков оттолкнул их рукою так, что они упали на двух крепко спящих малышей. В это время ватажники вытащили Асыка из кола на улицу, не забыв тщательно подпереть дверь толстой палкой.

Не успели ватажники связать руки и ноги Асыка, как его собака Сойта вцепилась в ногу атамана.

- А-а-а, – взвыл от боли Онуфрий, обрушив приклад мушкета на череп собаки.
- Вот, сука, – пришёл в бешенство атаман, продолжая бить уже бездыханное тело животного.
- Зачем собаку бьёшь, плохой человек? – воскликнул Асык.

Онуфрий остановился, как будто – то вспомнил что-то, не обратив внимания на реплику Асыка, направился в кол шамана.

– Начинайте жечь юрты! Пошли, Никола! В коле шамана, при свете факела, атаман увидел жену Ярыка, которая успокаивала маленькую дочь в берестяном коробе. Онуфрий огромной лапой смахнул с места женщину вместе с берестяным коробом в угол кола. Детский плач и визг женщины раздалась одновременно. Ярык откинул шкуры. Встал и пошёл к выходу.

- Смотри, Никола, сам идёт! – удивился Сундуков.

– Знает, что с нами шутить нельзя. Правильно поступаешь шаман, но не хитри, – мы тебя свяжем.

Через несколько мгновений Ярык лежал рядом с Асыком. Три юрты в пауле уже начали гореть. Из них Пытались выскочить их обитатели, но ватажники дубинами били их по головам. Только кузнец Кырыль, разрезав ножом шкуры юрты, смог выскочить из юрты с копьём. И через мгновение наконечник копья был вонзён в грудь, не ожидавшего нападения Арсения.

В этот миг на кузнеца набросился Тихон, но собака Кырыля, успела схватить ватажника за ногу. Этого мгновения хватило для того, чтобы кузнец нанес разящий удар копьём в живот противника. Тихон, падая ухватился за копьё кузнеца. И в какой – то мере помог своему ватажнику Афоне, который хладнокровно опустил дубину на голову вогула. В это время к месту битвы с мушкетом подошёл атаман. Он хладнокровно вытащил копьё из живота ватажника и воткнул его в область сердца.

– Ему уже не помочь, – сказал он, онемевшему от страха Афоне. – Тебе значит его доля перейдёт, – похлопал он покровительственно ватажника по плечу.

– А теперь, когда вой в юртах прекратился, начинаем жечь избы. Быстро! – он подбежал к ближайшему колу и поставил факел к деревянной стене.

Трое других ватажников бросились к другим вогульским домам. Через несколько мгновений девять жилых изб и амбар, в котором хранились Священные реликвии вогулов полыхали огромными кострами. Душераздирающий крик и визг женщин, детей а также вой собак разносился по долине реки Сылвы. Эта река ещё не ведала такой страшной трагедии.

Татьяна, поняв, что живыми из кола им не выйти, пыталась вначале открыть дверь, но тщетно. Затем сделала попытку вылезти через дымоход, и ей почти это удалось, но когда она протолкнула голову в отверстие, то бросила взгляд на кол Пыткея. Там в дымоходе тоже ворочался хозяин избы, но только он смог вытащить половину туловища, как был сражен пулей из мушкета.

– Всё просматривают, – подумала Татьяна оставляя эту затею. – Надо придумать другое. А что если не в дымоход, а в поддув, который берёт начало за пределами кола, кончаясь в очаге.

– Ома⁴¹, давай попробуем выбраться из кола через поддув, – предложила она.

– Ты – аги⁴² пробуй, а я слишком полная, да и ребятишки... Останусь здесь с Астюхом и Ситкой.

– Давай, я вместе с ребятами.

– Они плакать будут, и тебя вместе с ними обнаружат. А так я их усыпила, – пусть спят...

Она спокойно села рядом со спящими детьми. Треск пылающего кола был явственно слышен, едкий удушливый дым тонкими струйками проникал в избу.

Татья отгребла ещё горячую золу от поддувала в очаге, выняла деревянную квадратную затычку, которой обычно закрывают у манси воздуховод, и воткнула голову в отверстие, начав вкручивать худенькое тело в подземный ход.

---

⁴¹ Ома – мама (очень похоже на русское слово: мама).

⁴² Аги – дочь.

Священное дерево

Асык молча лежал рядом с шаманом, и лишь изредка возмущался действиями большого человека.

– Он не человек, – хуже злого болотного духа Комполена. Какое зло мы им причинили? А ты – шаман почему плохо общался с нашими Духами? Почему ничего не знал об этом нападении?

– Знал. Сямын предупреждал...

– Почему не сказал? – ведь мы могли покинуть это место.

– Могли, но результат был бы такой же. Было у нас два варианта: первый – тот который свершился, второй – поход через земли хантов, но и он бы закончился для нас плачевно: ханты в живых оставили бы только Пахына. Поэтому я не особо ругал тебя, когда твой сын совершил преступление.

– А были другие варианты?

– Нет. Судьба нашего народа лежит только в рамках этих вариантов, – другой судьбы у нас нет.

– Значит: это жирный и толстый «Комполен» будет нас всегда преследовать?

– Нет. Всё у нашего народа начнется вновь, как уже один раз было...

– Когда было?

– Давно было. В то время на нас напали ханты и в живых оставили только одного мужчину, который взял в жены хантыйку... Ты можешь испытать определенную гордость в том, что твой сын Пахын возродит наш народ.

– Очень слабое утешение, но я понял: почему Сямын ушёл с Пахыном.

– Вот теперь тебе всё ясно.

– Ясно. Но мог ты мне всё рассказать.

– Мог, но не хотел делать несчастным тебя, а так я один только мучился.

– Может быть ты и прав...

Вогулы надолго замолчали. Подошёл хромой пёс Пыткаея и лизнул Ярыка в лицо. На пса неожиданно набросился ватажник Михаил.

– Пошёл прочь!!! Он замахнулся на пса дубинкой.

– Беги, Хорст, беги! – крикнули вогулы дружно. Пёс прихрамывая побежал вдоль тлеющих колов манси. Только небольшая избушка Кырыля. где размещалась кузница, осталась неповреждённой.

– Что кричите? – подошёл к пленникам Онуфрий, зло пнув ногою Асыка. – Не шумите! А ты Михаил внимательно следи за ними, а то шаман может что – то с тобой проделать.

– Как он проделает, если ноги и руки связаны?

– А язык – то не связан...

– А-а-а-а, – задумался ватажник. – Надо вырезать...

– Погоди, – как он тебе объяснит дорогу к Священному дереву. А?

– О-о-о

– Глаз не смыкай с них.

– По-своему что-то лепечут.

– Пусть чешут языки, – махнул рукой Сундуков направляясь к двум ватажникам, которые уже спали крепким сном, не взирая дурной запах, от сгоревших человеческих тел.

В своем подземном убежище Татьяна начала замерзать, и потому, под утро, приблизилась ближе к колу; там было теплее, но дурной запах мог вызвать сильный кашель. Поэтому Татьяна под самый кол не заползала. Под землёй она прекрасно слышала все передвижения ватажников; от каждого шага земля вибрировала. Татьяна невольно подметила: каждый человек имеет свой

звук в земле. Особенно ей не нравился тяжелый, гулкий звук, который по силе превосходил звуки других бандитов; она даже не могла дать такому гулу характеристику, но подумала: такой человек Земли не жалеет.

Наступило утро. Солнце озаряло землю скупыми лучами также как и в предыдущий день, но что-то в долине реки Сылвы изменилось: в воздухе кружила неизгладимая тоска, печаль. Юрты и колы ещё продолжали дымиться, сладковатый запах человеческих трупов в утренней свежести чувствовался сильнее, чем ночью.

– Пора идти, – забеспокоился атаман, сморщив «дубоватый» нос и подёргав окладистую бороду.

– Пусть подсохнет, – закапризничал Николай. – Роса.

– Лучше уж вымокнуть, чем здесь на вонючем пепелище сидеть, – возразил ему Сундуков, поднимаясь с ложа.

– Надо было вначале шкурки бобров у них взять, а потом жечь, – с возмущением высказался Михаил.

– Надо! – заскрипел зубами Онуфрий. – Иди посмотри на Тихона и Арсения, – все бы на копьях были, дурень! Иди лучше к вогулам и ведите их с Афоней сюда, – пора выходить на дерево.

Через небольшой промежуток времени вогулы, подтыкаемые в бока ножами, стояли возле ватажников.

– Ярык, не надо их вести к Священному дереву, – по-вогульски сказал Асык. – Примем здесь смерть вместе с нашим народом.

– Нет смысла, – ответил шаман.

– Глянь, атаман, – воскликнул Михаил. – Лопочут, суки. – Он ткнул ножом Асыка в бедро. Асык даже глазом не повёл.

– Ты, собака, что делаешь, – набросился на него Онуфрий. – Не смей дековаться⁴³ над проводниками!

Одновременно он подмигнул ватажникам; его заступничество было не более чем театральной позой «доброго» дяди.

– Почему нет смысла? – начал вновь разговор Асык с шаманом.

– Наш поход имеет смысл в качестве мести – вот и всё.

Надеюсь, тебе уже нет никакой разницы когда в этот день, кстати, чудесный для смерти, ты уйдешь в Верхний мир. Кроме того если мы останемся здесь, то погубим Татья – твою дочь. Она пока ещё жива. Если мы будем непреклонны, то бандиты нас долго будут долго здесь терзать и обнаружат твою дочь.

– Ёх.

– Налепетались? Пошли! – толкнул в бок шамана Сундуков. – Веди к Священному дереву.

– Ёх, – молвил Ярык, направляясь по знакомой ему тропе, незаметной для постороннего взгляда. Выйдя из пауля, Онуфрий с мушкетом, пристроился в конце процессии; он обламывал ветви кустов, ибо был уверен: нужно будет найти выход и обратно.

В это время Татьяна в воздуховоде подобралась к его началу, там где была сделана решетка из деревянных палок; она явно слышала, что толпа народу покинула пауль. В начале Татьяна попыталась выдавить палку в обрешётке руками, но ничего не вышло. Со слезами на глазах девушка уперлась в перемышку головой, и одна из палок треснула. Она доломала её руками, а потом уже спокойно выбрала остальные палки из решетки.

Выставив голову наружу, она увидела, что её родное по-селение полностью исчезло. На месте колов и юрт находились пепелища, которые ещё дымились. Вороны уже крутились

---

⁴³ Дековаться – издеваться, насиловать, мучить.

над бывшей деревней манси. Вдали, возле кузницы, стоял хромой пес Пыткаея, печально виляя хвостом. Сладковатый запах жженого человеческого мяса вызывал тошноту. Татьяна уже хотела залезть в своё убежище обратно, но подбежавший к ней пес, лизнул её в щеку. Он был рад, что в живых осталась хоть одна живая Душа манси. Девушка вылезла на поверхность, погладила собаку, и направилась по следу ватажников. Пёс потянулся за ней, но в логу она наказала ему сидеть в кустах, пока она не вернется.

– Сиди и жди, – прижала она руками собаку к земле. Этого было достаточно, чтобы пес понял её требование. – Выйдешь только ко мне. Понял? – Собака лизнула девушке руку.

Преследование ватажников с пленными манси продолжалось довольно долго. Татьяна промокла полностью, ветхое худое платье прилипло, а точнее сказать: «примокло» к телу. В меховой обуви «чмокала» вода. По этой причине девушка старалась следовать за преступниками весьма осторожно, на приличном расстоянии от них. Кроме того, она опасалась, что вдруг кто-то отстанет от ватаги по нужде. Неожиданно Татьяна услышала радостные крики ватажников, возбужденный разговор. Она постаралась приблизиться к разбойникам; они уже подошли к Священному дереву, а потому явно торопили своих пленников. Татьяна влезла в логу на толстую ольху, перед ней, как на ладони, открылось Священное дерево на небольшом взгорке.

– Сейчас, Асык, нам раскроется вся широта небес, – тронул связанными руками друга шаман.

– Я бы желал укорениться на этой славной и прекрасной земле, – ответил Асык.

– Они что-то лепечут по-вогульски, – закричал Николай. – Колдуют! Могут всё богатство в прах превратить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.